

На Северной Двине.

*Сборник Архангельского
Общества Краеведения.
Архангельск. 1924.*

От Редакции Сборников Архангельского О-ва Краеведения.

Природа, хозяйство, люди — три основных раздела, основных слагаемых в познании края. Во всех этих трех направлениях Архангельское Общество Краеведения намерено развивать свою литературно-издательскую деятельность. В ближайшее время Правление Общества надеется подготовить к печати серию брошюр по изучению природы Севера и ряд изданий по технике северных промыслов. Работы по экономике края периодически помещаются членами О-ва на страницах журнала «Северное Хозяйство», издаваемого Архангельским Губисполкомом, совместно с Областной Плановой комиссией.

Настоящий сборник является первой попыткой из серии изданий Общества по циклу Люди Севера.

Развитие производительных сил края происходит на основе естественно-исторических природных данных. Весьма важным фактором этого развития является также действующий человек — его дарования, навыки, его изобретательность и его фантазия. К познанию этих сил, одушевляющих краевого человека, направлены эта серия изданий, первый выпуск которой мы имеем в сборнике «На Северной Двине».

Некоторые статьи этого сборника могут оставить впечатление, что мы кому то внекраевому рассказываем о нашем Севере.

Разумеется, стремление познакомиться широкий круг сограждан с нашим краем нам не чуждо. Но в центре нашего внимания все же находится «самопознание» и мы пользуемся случаем еще раз подтвердить, что ожидаем от товарищей краеведчиков такого же широкого сотрудничества по изучению людей Севера, как и по изучению природы нашего края и по разрешению наших хозяйственно-технических проблем.

Редакционная коллегия: { И. В. Боговой.
А. А. Евдокимов.
В. М. Колыгин.

.....

Ан. Ник. Попов.

Быт и люди Севера.

(О том, чего не замечаем и не ценим...)

„Кажна сосенка о своем
бору шумит“ (Мезенская
поговорка).

Наш Крайний Север до сих пор не только в представлении большинства россиян, но и фактически является какой-то особенной, отличной от других мест окраинной, где и природа, и люди, и быт, и нравы все не так, как в остальной „Рассее“.

Причин этой особливости, самобытности Севера, конечно, много и в общем ряде их география, история и экономика тесно сплетаются друг с другом...

Но больше всего здесь виновата, конечно, природа, наложившая свой отпечаток на всю внешнюю обстановку северянина и на него самого.

Природными условиями края—лесными богатствами исключительно объясняется характер северного строительства, где даже и в уездных городах—сплошь дерево.

Лесу здесь пока что жалеть не приходится и северянин широко и светло ставит свое жилье.

Дом в пять—семь окон с лица, в два этажа, с чистой половиной—для гостей в праздники, с рублеными надворными постройками—вот типичная по внешности постройка северной деревни, вытянувшейся обычно в две улицы по берегу реки. А на пригорке, на изгибе реки, давно сочетаясь с общим фоном, с синевой леса, с изломами дальних гор, приютилась старая шатровая церковка, что от прадедов осталась. Стоит она тут вторую, а то и третью сотню лет, храня в себе остатки седой старины, от которой загораются глаза знатоков и любителей...

Лес не только кормит северянина, он вошел в его жизнь, украсил ее.

Каждый дом убран, украшен резьбой: на коньках, подзорах и наличниках, витых столбиках балконов и крылец, на балясинах перил—снаружи; в прялках, вальках,

в переплете наблюдников, на кромках полиц, во всех и на всех мелочах от люльки до братынь, солонок и ложек внутри—всюду видно умение владеть деревом, создавать из него украшение жизни.

А старинный бытовой уклад и в его оправе сами хозяева дома: чин и степенство в движениях, деловитость и резон в размеренной своеобразной речи. куда еще не дошли Гомза, Гум и Цулп и даже „исполком“ звучит иначе, мягче; простая строгость досельной одежды — все вместе взятое человека из России, из наших центров, где строится новый мир и темп жизни уже давно иной—ошеломляет, уносит к пережитым сказкам детских лет, пожалуй, к временам царя Гороха...

И таких живых музеев старой Руси, неучтенных и неизвестных ни Главнауке, ни Главмузею у нас на Севере не один и не два...

Но старая Русь жива на Севере не только в семье, под кровлею старых домов. В престольные праздники, в гулянья, заревом штофников, переливами кованой парчи, алым цветом лент в косах ниже пояса,—выходит она на улицу, на околице или среди села, где собираются молодницы и белые лебедки-девушки: людей посмотреть, себя показать, в игре-гулянье пройтись, проплыть павой лебедью... Грани веков тут уходят, стираются и очарованный глаз жадно вбирает в натуре то, что можно видеть только у Маковского и других, в картинах старой Руси.

А наши северные песни и старины, в которых и сейчас, когда у нас XX век и в небе летают стальные птицы, еще живы князь Владимир Красное Солнышко, Илья Муромец, вся семья богатырей.

И в устах „сказителя“:

„Ай во славном было городи, во
Киеве,

Собирал то князь Владимир - от
почесен пир...“

все еще также естественно, как и четыреста—триста лет назад, звучит на карбасе, на покое над гладью Кулоя, Сояны и других рек и речушек, из тех, что на карте генеральной и искать не стоит...

Думается, не надо особенно доказывать, что у нас на Севере, в наших северных песнях, обрядах и обычаях, во всем укладе северной жизни мы имеем для сло-

весников, для этнографов, пожалуй, для художников, целый ряд в своем роде „магнитных аномалий“. И нельзя не пожалеть, что для этих „аномалий“ пока еще очередь не дошла. А когда дойдет,—то не оказалось бы поздно.

Жизнь идет вперед и как ни далеко от Москвы до Мезени и Пинеги, но отзвуки этого движения доходят сюда и северная деревня зацветает побегами новой жизни.

Всегдашняя самостоятельность и независимость, создавшаяся исторически от времен новгородских ушкунников и Марфы Посадницы, всегда выгодно отличавшая северинина от соседей, его упрямство в достижении раз намеченной цели, привычка к общественному артельному труду, к мирским общинным порядкам служат гарантией прочного внедрения и развития новых идей в толще народных масс.

Косностью мысли и действия северянин никогда не грешил, а обстановка, в которую он поставлен, для того, чтобы жить,—заставляет проявлять массу энергии, труда и изобретательности.

Тот именно тип, своеобразный, не похожий на других, тип северного крестьянина-промышленника, закаленного в лесу и в поле, помора-рыбака и морехода, на которого дули ветры всех румбов и плескал льдом и солью сердитый старик Океан—этот тип сложился исторически и он известен всем и каждому.

Ученые исследователи и путешественники, близко подходившие к населению края, наблюдавшие его в повседневной трудовой жизни, дают о нем лучшие отзывы.

Так один из них—доктор С. В. Мартынов признает, что население Архангельского края „по сравнению с крестьянами центральной полосы России заметно отличается большой самостоятельностью, сметливостью и предприимчивостью“, а по словам другого—д-ра Рихарда Поле—оно является превосходным человеческим материалом, который при соответственном воспитании и направлении, мог бы сделать очень многое в экономическом отношении и вообще своими качествами, физическими и умственными, далеко превосходит жителей средней части России“.

Если эта лестная оценка верна, то право же, за будущее Севера беспокоится нечего..

Мы будем жить...

О. Э. Озаровская.

Из дневника фольклориста.

Ненокса.
Июля 1915 г.

Мне пришла счастливая мысль заглянуть в солеварницы. Они раскинуты по глубоким извилистым оврагам. В яме стоит черный бревенчатый сарай с зияющей пастью, а в глубине видно огромное пламя. Плоский котел на 120 п. вари подвешен над огнем.

У ворот сидит Пётра и выпаривает соль. Я спускаюсь к нему и знакомлюсь. От него получаю первые сведения о солеваренном деле в Нёноксе.

Десять варниц работало когда-то. Потом бросили — невыгодно стало, больно соль дешева была. А теперь соль — в цене. В Архангельске 45 к. пуд. Варь на 100—120 пуд. потребует дров на 18—20 р. да поденщина рублей в пять станет. Чистых боле 25 рубл. от вари. Теперь две варницы заново поставили.

Был тут немец один. Инженер. Только заглянул, выскочил, за голову ухватился: „Ай, сколько пару даром пропадает!“ И разговаривать не стал — уехал. Это верно, что пропадает: и пар, и огонь. Можно бы и горшок поставить, да дегтю покурить... Ну-да уж, по отцам варим. Как отцы на веках варили, так и мы. Тоже раз от нас один хресьенин ездил посмотреть это дело за границу. Котел поставили заграничной. Стали варить по новому — соль пошла желтая.. Бросили. А наша — поглядите!

Налево в углу — куча соли мелкой и ослепительно белой.

Пётра бывал на Новой Земле и зимовал там. Рассказывал, как умирают от цынги:

— У нас товаришш повалился. Мы зовем его на охоту, — никуда не хочет ходить. — „Встань, хоть пройдишь немного!“ — „Не лезь!“ — У нас гумага такая есть, при-

каз, чтоб цынготного хоть силком проминать. Мы к нему пристали, а у него нож за поясом, он выхватил, стал махать, чуть не зарезал. Бросили. Так и не встал с нар, помер.

— А лешего там не видали?

Пётра усмехается.

— Не знаю, не видал. Я в это не верю. Сам не видал. Было раз. На Новой Земле, когда зимовали. Я в пешки играю. Это было воскресенье. Гриша-самоедин говорит: „пойдем в тундру за оленем!“— „Не пойду, говорю, праздник да устал — не хочу“. — И осталса. Он пошел, потом приходит и говорит: „был же ты, по логу ходил, а я на гору вызнялся“. А я и не ходил. А он видел. Я в казарме был, а самоедину привидилось. Я ничего таково не видал. Видал раз, медведь в каютинку зашел да самовар унес. Это видал.

А то раз самоеды „чудь“ видели. Прибежали к нам и кричат: „Смотрите! Чудь ходит по губы!“ Мы пошли и не видали ничего.

Рассказывали другие, когда я на моря ходил. Было это в Карманкулах Больших (к Маточкину Шару), зимовали промышленники.

Скука там одолевает. Ну, вот был у них один Ондрей. У него из жил была сделана литара. Он играл.

Вот он играет, а в темноте кто-то пляшет. Сальничек засветил—никово нет.

Огонь цикать еще надо было. Он и придумал: на сальник горшечек надел. Заиграл. Затопотало. Он горшечек снял, увидел девку и схватил ее. Она кричит: „Пусти!“ А он ей: „Я увидел, так мне и владеть“. Девка стала бабой ходить. Это русалка была.

Тут еще вранья есть: она и обрюхатела. Тут суда пришли за промышленниками. Он у коршика совету просит: оставлять ей или с собой брать. А коршик был не промах, слышал на веках, говорит: „Ей оставить надо, уйдем потихоньку“.

Она же и родила, и ходила к Ондрею.

Ну, вот они запоходить сряжаются. Тросики занесли за гору и якогя выкатили. Стоят за горой Поветери дождались. тросы обрубил и судно понеслось. Она увидала, выбежала на гору, ребенка разодрала, половину себе взяла, а другу - свись на судно! Судно бы овернулось, да она не попала,—только одна капелька

крови на борту. Стало судно опруживать; ну, стесали топором кровь, и выпрямилось. —

Вокруг нас с Пётрой собралось человек пять, сидят на земле и слушают. Едва кончил заговорили:

— Да, как уж тут не поверишь; на этих веках было Савишна была, вот все ее знали, слышали же?

— Как не слышать? Знаю.

— Савишну помним.

— Ну, вот. Коровушку она гнала да зругалась, о ней и унес. Леший унес водиться: жена у нево родила. У нево жонка была русская. Она Савишну пожалела: „Ты, говорит, бабка, хлеба не ешь, как он будет давать, ничево не ешь“. Вот она два дня ихной пишшы не ела. Леший говорит жонке: „Што, говорит, она ничево не ест?“—А женка ему: „Да, така, говорит, дрянна эта нянька, с ребенком водиться не знат, пошто ты ее принес?“ Он схватил Савишну,—обратно. Все костычи ¹⁾ прирвал о лес. Она сама сказывала; два дни пропадала, это уж все знали, как не поверить.—

Я направляюсь в другую варницу и задумываюсь: как не поверить в случай с Савишной, когда такой же рассказывают про повивальную бабку в Кеми. Там даже на вараке ²⁾ крест стоит, чтобы леший не таскал себе в щель людей.

Здесь Пётра уже заканчивал „воспариванье“ соли, а в другой варнице я застала еще „увариванье“, которое длится 24 часа. Из колодца три жонки накачивают естественный 10% раствор. Голубоватая вода бежит по деревянному жолобу через дворик в варницу. Оттуда Еким крикнет „будет!“ и жонки бросят качать, сядут отдыхать, возьмут шитье в руки.

Через часок Еким станет испытывать варь. Если погруженная палка сразу покрывается белым налетом, значит варь крепка и можно подбавить свежего раствора: „Качайте!“ Жонки опять начнут качать“. Работа с прохладцей, совсем для моих целей выдуманна.

Я быстро знакомлюсь. В Нёкоксе мое прибытие уже отмечено и уже решено, кто я: долгожданная акушерка. Когда, вчера, я гуляла по окраине посада, выска-

¹⁾ Сарафан старинного покроя.

²⁾ Каменистая гора, скала.

кивали женщины, махали руками, показывали на дома, кричали мне: „Туда“ туда ступай! Уж схватывало ее вчера“!

Я ничего не понимала и считала их сумасшедшими.

Мое появление во дворике варницы встречено приветливой улыбкой:

— Акушерка?

— Нет.

— Знакомые есть?

— Нет, я за песнями.

Впечатление великолепное. Выходит из варницы Еким, высокий, статный, красивый и застенчивый. Он дает мне объяснения

— Чьи это варницы?

— Наши.

А мне сказали, вы поденщик.

— Да я—и поденщик и хозяин. Придет моя варь, — захочу сам варить буду, захочу поденщика возьму.

— Значит варницы общественные?

— Триста лет, как перешли к кресьянам.

— От кого?

— От Марфы Посадницы!

Вот оно что! Новгородцы. Я чувствую себя плебейкой перед кровным аристократом и гляжу искоса на тонкий, строгий профиль Екима с уважением. Жонки вмешались:

— Марфу Посадницу знаешь? Она тут владала. Оба сыночка потонули, выбросило море на берег; где их нашли, тела-ти под кустышком, под шипцею, на том самом месте монастырь построила она Никольский. Бывала там?

Я сговариваюсь с потомками людей Марфы Посадницы притти к семи часам вечера. Жонки сменятся в 6 часов, сбегают домой и вернутся сюда. Будут три новых жонки, да эти, да Григорий придет сменять Екима, а Еким останется. Будем песни петь тихонько, чтоб люди не осудили, что во время войны песни поем.

— А как называются варницы?

Крестова, Ново-Коковиньска, Гришнева, Яковлева, Михайлова, Сиско - Никольская (Сийско - Никольская), Волгариха, Кобелиха, Скоморошиця.

А! Скоморохи! У вас была своя варница? Дарованная вам за ваш талант? Или может-быть вы нажили себе так много денег на своем искусстве, что внесли свои пай и выделили себе варницу?

Как хорошо попасть в край, где история перепуталась с лешими, чергушками...

Итак до вечера.

Незабываемый вечер.

Маленький дворик между тремя варницами в яме (две уже заброшенные). Был когда то навес на столбах над забором но он уже разрушился и черныс осколки сгнивших досок живописно торчат и свисают над головами жонк у насоса. Я примостилась на ступенях старой варницы с фонографом; на траве лежат мои сладкие гостинцы. Вокруг меня доверчивая компания. В конце концов они довольны, что я не акушерка, и я ясно ощущаю то веселое напряжение огромного взаимного интереса, которое так редко возникает в собрании интеллигентов.

В полураспахнутые ворота варницы видно адское пламя и на фоне его чернеется Еким. Одним глазом он смотрит на варь, другим на нас.

Черный мохнатый Григорий, который сменит Екима только в полночь, оказался обладателем красивого голоса

Запели. Согласно, стройно, не громко. Над нами небо затянутое серыми облачками, и так уютно в этом дворике, так укромно, что меня охватывает невыразимое счастье от сознания духовной близости с новгородцами. У нас совсем одинаковые вкусы.

Записаны тексты и мелодии лирических песен, заканчивается пенье исполнением прилагаемой любопытной и по содержанию и по капризному ритму.

Я считаю нужным обозначить цезуру.

Панья.

(Поётся о святках вместо колядки молодежью за угощенье).

Как пошла млада панья /по своим новым сеням,
Как по чясту, как по чясту/ из окошечка смотрела:
Ежно из поля, из поля /да из далека циста поля.
Ежно едут поедут/ да все кнезья-боера,
В тороках везут кнезя/ да все кровавоё платьё.
Выходила млада панья /на прекрасной крыльце,
Не дошедши млада панья /по низкому целом довела.
Уж вы здрастуйти, кнези-боера,

Вы видали-ли князя/ моего-то бывшего пана?

Как первый-князь слово молвил:

„Мы его видом не видали“.

Как второй-от слово молвил:

„Да мы слыхом не слыхали“

Как третьей-то слово молвил:

„Уж мы столько видали:

„Ево доброй конь рышет /по далеци цисты полям

„Ево церкасько седелко /по пуд-цереву¹⁾ волоцилось,

„Ево шолковой повод /копытом лошадь заступает

„Ево шолковая плетка/ лютою змею извивает,

„Ево буйная глава /под ракиновым кустышком

„Ево русые кудри/ вихорем-ветром разносило

„Ево ясныя оци /да ясны соколы разносили,

„Ево черные брови/ черны вороны расклевали,

„Ево бело тело /серы волки расторзали“.

Как пошла млада панья /со своих новых сеней,

Как будила млада панья/ своих маленьких детей:

„Уж вы станьте, пробудитесь /мои маленьки детки!

„Как у вас-то малых деток/ света-батюшка не стало,

„А у меня-то молодой паньи /бывша пана не стало“!

Как на другой день млада панья /в зеленом лесу

гуляла,

Во пригорьи рвала траву/ васильевску

Во прикрутии шшипала /цветы лазуревы²⁾

И прикладывала) к своим белым шшекам:

„Будьте столько же аленьки, мои паньины

шшецьки“!

Как на третий день млада панья /во замуж выходила:

„Господа-ле, вы, господа, ко мне завтра на свадьбу,

„Хлеба-соли кушать, вина-пива пити !

Паньюшка по сеницкам похаживала,

Хлопчика за ручьку поваживала:

Пойдем ты хлопчик, на кружельский двор,

„Возьмем мы, хлопчик, чярочку винца и братыньку

пивця,

„И выпьем, мы, хлопчик, по чярочки с тобой:

„Ты за мое здоровьице, а я за твое.

„Ты-то будешь пьяный, а я весела!

„Ты будешь плесать, а я буду скакаты!

¹⁾ Под чревом.

²⁾ Северные крестьяне по моим наблюдениям под лазоревым цветом подразумевают алый.

„Мой-от пан уехал /во большо гулять,
„Меня пан оставил/ горе горевать, тоски тосковать.
„Я ведь не умею, горе-горевать, тоски-тосковать.
„Стольки умею скакать да плесать“!
Мало по малу сам-от пан на двор.
Выскоцил хлопчик — из полу-окна,
Выставил хлопчик правую руку, а левую ногу.
Отсек пан у паньюшки по плечь голову:
„Вот тебе, паньюшка, чяроцька винця, да бра-
тынка пивця,
„Вот тебе, паньюшка, скакать да плесать.

Опять дыхание истории, когда со смутного времени здесь осели ляхи. Здесь на погосте церковь св. Климента, а на старом кладбище уцелели плиты с польскими именами. Невесты в причетах поминают св. Климента и молятся ему. Среди населения есть носящие польские фамилии—Феликсовы, например.

Прим. ред. Фамилия Феликсовых возможно и более раннего происхождения. Феликсом звали одного из утонувших сыновей Марфы Посадницы.

Я прошу сказочек. Все пристают к Екиму, чтобы он рассказал про какую-то бабушку.

Лицо у Екима строгое, но около ноздрей есть какая-то складка сдержанного смеха. Едва он открыл рот, как все покатались. Он повторил раз пять эту незатейливую бывальщину, каждый раз с тем же успехом.

Еким и старуха.

Я шел из солдат и спрашиваю:

— Бабушка, где это-та дорога мне пройти?

— Нимо кузьницы, нимо толканци, на огороде дорога висит. Дитятко, говорит, не видал-ле моей коровушки?

— Какая у тебя коровушка?—говорю.

— На веревочке шейка, а на лысынке лобок.

Еким разошелся и рассказал еще:

Поп и дьякон.

Влюбилса дьякон в попадью и ходит к ей.

Сидит у ей раз, она ево спрашивает:

— Куда завтра, отец-дьякон, поедешь?

— Да я поеду попахать.

— Я к тебе приду. Напеку шанёг, колобков. Ты насыпь опилок, я по опилкам твое полё найду.

— Ладно.

Они говорят, а сын слышит, мальчишка небольшой,

Вот попадья напекла шанёг, пирогов сподобленных. пошла к дьякону. А сын рано встал, насыпал опилок по дороге к попу. Попадья по опилкам и пришла. Поп думат: „Што тако, попадья смиловилась, всево напекла, да ешше сама принесла“.

Она видит, не туда попала, говорит:

— Поп, поди позови хоть дьякона вместе ись.

А сын говорит:

У дьякона собака злюшша, без палки не ходи! Поп взял палку большашшу и пошел.

Сын забежал вперед и кричит:

— Дьякон! Пошто к мамки ходиш? Татка к тебе с палкой идет!

Дьякон бежать: схватил полы долги, волосье трепещется...

Поп кричит:

— Дьякон! иди шанег да пирогов ись!

А тот от него.

Закрапал дождик и разогнал нас. Возвращаюсь одна переполненная звуками песен, нахожу сходство с чудесными Кемскими, но там в каждой любовной песне говорится еще и про море. Далеко Пинеге до Поморья в области лирики. Словно темные сузёмы (девственные леса) научили пинежан крепко хранить любовные тайны. Слова любви вырываются неуклюже, с усмешкой, робко и сбивчиво. А в поморьи, там раздольное море и призрак вечной опасности вырывают признания, и они льются широкой волной. Поморы не боятся сложить песни о любви замужней к молодцу и женатого к девице. На Пинеге строже. За то там царит эпос. Сказки, эпические песни и величальные на удивительной высоте.

Следующее утро я посвящаю чтению и переписке желтеньких листов из записной книжки Афанасия Тячина, свекра моей любезной хозяйки. По ее словам свекр никогда не расставался с карандашом: „даже на пожню с карандашом ходил, все записывал, всяку глупость, даже злость брала“. Во время крушения на море у него

оказались не замокшими на груди карандаш и бумага и он писал даже на днище перевернувшегося карбаса. Потом выздоровев переписал. Из семнадцати листков утеряны три начальные и два в середине. Содержание их в кратких словах (напечатанных курсивом) восстановила Ани́сья Ива́новна. Орфография, знаки ударения и препинания сохранены в точности.

Гибельное описание.

Был голодной год (1852), и в маѣ мѣсяцѣ двадцать два человѣка поѣхали на большом карбасѣ в Архангельско за сѣменами жита. Нагрузились. Карбас был на тысячѣ пудов. На обратном пути пала погода. 6-го мая...

... тѣль заснуть, такъ мы ему закричали: „Кологріевъ, не спи! Иди въ руль править!“ А Максимъ вертится и править не можетъ на волнахъ. Той же минуты приходилъ онъ, Кологріевъ къ рулю, взглянулъ: Тутъ воды довольное количество въ карбасѣ. Онъ закричалъ: „Батюшки, лейте воду изъ Карбаса“! Приходятъ къ помпы Иванъ Богдановъ, Осипъ Тячкинъ; начали лить воду въ носу и кормы, кто чѣмъ можетъ, а помпа не беретъ воды, оттого что сломалась. Хозяина забранили. Тутъ закричали: „Братцы, ройте мѣшки съ житомъ въ воду, а не то мы потонемъ“! Нѣсколько успѣли, швырили, но въ ту-же минуту, погодой, вѣтромъ, морскими волнами налило нашъ карбасъ и опрокинуло нѣсколько разъ вверхъ колодою. Продчихъ всѣхъ людей отхватило отъ колоды прочь на волнахъ. Хотя выстали изъ воды, но не успѣли захватиться, а намъ четверемъ человѣкамъ—Мирону Кологріеву, Афанасью и Степану Тячкинымъ и Лукіану Лгалову, невидимо Богъ пособилъ захватиться за колоду и вытянуться изъ воды на оную съ великимъ трудомъ и съ разбитыми на себѣ ранами. Но когда опрокидывало, тогда Кологріева, схватя за левую ногу Іонъ Мусниковъ (а Кологріев не захватяся еще ни за что) и обгрузилъ его въ воду, то не знай какимъ образомъ высталъ изъ воды, немного успелъ захватиться за колоду; тогда товарищъ Афанасій¹⁾ по-

¹⁾ Автор записи.

далъ ему руку, пособилъ вытянуться и, взглянувши на ногу—сапога нет; его слернулъ Ionъ и самъ съ нимъ остался въ воды съ другими товарищами.

А нас на боку карбаса понесло по вѣтру и морскимъ волнамъ на средину моря. Когда карбасъ обтонулъ съ нами, въ то время были отъ берегу, т. е. отъ земли примѣрно разстояніемъ в пяти верстахъ, а послѣ понесло т. и. д. Сначала можно было видѣть своя родима сторона, а послѣ пронесло ее и принесло къ Лѣтнимъ горамъ того-же моря; того же дня вечеромъ подулъ отъ нихъ смѣнный вѣтеръ, т. е. западный. Понесло съ прибылой водой прочь назадъ, обратно гдѣ опрокидывало. Уже и весьма близко подносило къ тому мѣсту.

По утру седьмого числа подулъ смѣнный вѣтеръ, т. е. обѣдникъ. Но съ вѣтромъ, палою водою, понесло опять на средину моря, только что едва можно было видѣть та и другая сторона земли. Пронесло Лѣтнія и Зимнія горы, подносило близко Терского берега (примѣрно въ 15 верстахъ) и вдругъ подулъ съ него вѣтеръ Западъ. Понесло отъ него прочь на средину моря и 8-го числа по полудни показались намъ Зимнія горы и подносило къ нимъ ближѣе. Но только что носило нашъ карбасъ на боку, а не вверхъ колодою, оттого что не давала опруживаться мачта и рей съ парусомъ, который былъ не успѣт обронить при утоплении.

Послѣ того вздумали обривать мачту изъ своего места, чтобы освободить карбасъ. Сначала на верхнемъ боку карбаса снасти розвизали; при перешвы есть желѣзная обойма черезъ мачту, таковую отстегнули. Послѣ отъ носу отвязывали штакъ, а отрѣзать было нечѣмъ; вынуждены были спускаться въ воду для отвязывания его. Спускались: Афанасій Тячкинъ 6 разъ безъ одежды (таковая была оставлена у товарищевъ), Лукьянъ Лгаловъ 3 разъ и Степанъ Тячкинъ одинъ разъ. По нашему счастью Богъ пособилъ отвязать. Есть ли бы штаку не отвязали то должны бы потонуть, какъ и прочие. Вечеромъ 8 числа отвязали этотъ штакъ, той же минуты мачта выпала изъ своего мѣста, а карбасъ обвернулся вверхъ килемъ, т. е. вверхъ колодою, и мы тутъ же едва могли вычаранаться из воды. Придумали обворачивать этотъ карбасъ, какъ слѣдуетъ быть. Стали всѣма четверыми, колѣнами въ киль, а руками въ воды

захватили за бортъ и тянули на себя, и обвернули, но того боялись, чтобы не залилъ онъ насъ. Успѣли изъ воды выскочить въ карбасъ и разсѣлись два человѣка на той стороны и два на другой.

Вздумали отливать воду изъ него, сняли съ ногъ по сапогу, начали лить воду. Сколько таковой не лили, убыли нѣтъ. Хоша и была—зводень придет: опять столько же. И не могли ничего сдѣлать. Въ это время были мы отъ земли разстояниемъ семь верстъ, и усматривали что нас стало осаждать ниже съ палою водою о Зимнія горы. Другъ другу говорили: „Станемте, братцы, прибархтываться, кто чѣмъ можетъ и у кого сколько силы есть и мочи. Но естѣли сюда не попадемъ въ Зимнія горы, то унесетъ насъ съ палою водою безызвѣстно: больше не видать намъ никакой земли и погибнемъ“.

У насъ въ это время было одно весло удержано при утопленіи, еще взяли, отодрали отъ карбаса телгасины, т. е. 2 доски. Таковыми къ берегу стали подгрести. А мы сидѣли въ воды по поясу на перешвы во время выгребки, а у карбаса руль былъ на своемъ мѣстѣ. У каюты крыши не было, таковую бросами оторвало въ первый день; Когда обвертывало въ каютѣ было три мужчины и двѣ женщины: не видали когда выпали. При рулѣ румпеля не было, нечѣмъ было править. Миронъ Кологріевъ взялъ руль въ охапку и сталъ направлять карбасъ по воды къ берегу. Съ весьма великимъ трудомъ прибархтались на берегъ въ половину Зимнихъ горъ, называемыхъ къ тони Добрынихи. Это было 9-аго числа по утру. Вышли змолились Господу Богу, что не погубилъ въ глубины морскія. Носило насъ по морю трои сутки, безо всякой надежды, кромѣ Господа Бога. Посидѣли на берегу и посовѣтовались куда итти, въ котору сторону. Но придумали: в Нижнюю Золотицу. Пошли о Зимнія горы. Шедши по берегу, гдѣ водою, гдѣ глиною и частью наноснымъ непроходимымъ хламомъ и по каменьямъ. У Мирона была одна босая нога — трудно было итти; у Афанасія было разбито тѣло на колѣняхъ большими ранами съ поврежденіемъ кости.

Встрѣчавшись съ нами въ означенныхъ горахъ по берегу непроходимая съ горъ глиняныя оплотины въ воду, тутъ мы вынуждены были вылѣзть наверхъ ихъ, но нельзя было прямо, а отходили въ лога и текутъ

по нимъ ручья, и отъ ручей вылѣзали на горы. Но только это было весьма трудно. Господь все помогаль намъ грѣшнымъ. Шедши горами нѣсколько времени, пришли къ логамъ и спустились по нимъ къ морю, на берегъ. И тутъ тоже шли благовременіи, такъ что дошли до промышленныхъ избъ, на Лысуново. Обошли мы ихъ кругомъ, усматривали нѣтъ ли жителей, каковыхъ не оказалось. Но оттудова отъ насъ Миронъ впередъ ушелъ искать Золотицкой деревни, объявить жителямъ, что по берегу осталось три человѣка въ слабомъ положеніи. Только тутъ это время было насъ двое: Афанасій и Степанъ, а Лукьяна не было, оттого что не змогъ итти съ нами и остался. Послѣ Мирона отдохнули не много и мы, потихоньку вслѣдъ за нимъ пошли по силы возможности, так что дошли до Вепря. Тутъ на горѣ есть часовня во имя святого Николая чудотворца. Поднялись мы на гору, зашли в часовню въ сѣни, помолились въ окошечко святымъ угодникамъ, изъ сѣней обратно вышли и пошли за товарищемъ Мирономъ. Отошли съ одну версту, повалились на бугро, на возвышенное место, лежали немного и вдругъ услышали голосъ. Мы откликнулись: Миронъ приходитъ обратно къ намъ и говорить, что дошелъ до рѣки Торожмы и не могъ ей перейти, ибо она широка, брести черезъ ней не посмѣлъ, переѣхать было не на чемъ. Вынуждены были воротиться съ нимъ на Вепрь, въ часовню. Въ часовнѣ, въ сѣняхъ заночевали мокрыми, холодно и голодно. Поутру встали и пошли въ Золотицкую сторону, отошли съ версты двѣ. Пала сильная погода со ситомъ и дождемъ, такъ что не могли вперед итти, вынуждены были присѣсть подъ лѣсину отъ экой ненастной погоды. Досидѣли до того, что не змогли слова вымолвить, исперезябли...

(Здесь несколько листовъ утеряно. А. И. припомнила, что потерпевшіе нашли избу промышленниковъ, там поглодали прошлогоднихъ рыбьихъ костей и пожевали воскъ, лежавшаго за иконою. Нашли за то лодку и в ней подѣхали къ рыболовному судну).

...имъ со слезами: „Батюшки, помилуйте возьмите насъ с собою!“ Хозяева судна увидали насъ гибельныхъ людей, тотчасъ же на судне паруса обронули и мы къ нимъ подъехали. Они насъ спросили: „Каки вы и откудова“, А мы имъ сказали все подлинное, что случилось

с нами. Тогда они изъ лодки насъ вытянули на судно, завели въ каюту, на постели повалили и окутали; дали они намъ хлѣба и говорили „Много не ѣшьте, вамъ вредно будетъ, а мы хлѣба не жалѣемъ“. Но мы такового ѣсть много не смѣли. Хозяинъ судна привезъ насъ въ Золотицу 11-го числа вечеромъ. Миронъ, Степанъ в волость, т. е. деревню пѣшкомъ шли сами собою, а Афанасія носкомъ несли двоими. Хозяинъ судна объявилъ жителямъ, что есть изъ нихъ четвертый человекъ, остался на берегу от неизможения итти за ними. Жители деревни приказали насъ Афанасія и Степана отвести на квартиру сотскому. Миронъ тутъ съ жителями остался, а для Афанасія и Степана хозяинъ квартиры пригласилъ священника. Таковой насъ исповедалъ и узнали мы, что сего числа есть праздникъ живоначальной Троицы, въ этой Золотице престольный праздникъ. Ночью 11-го приходилъ къ намъ старшина съ понатыми, спрашивая, каки мы и откуда; обсказали ему, какъ и отчего случилось съ нами, и объявили ему, что 4-ый человек остался на берегу. Тотчасъ же старшина с понатыми поѣхалъ искать и нашелъ его не доходя Вепря съ две версты: лежитъ на бугрѣ. Привезли его въ лодкѣ и занесли его въ ней въ деревню 12-го числа. Съ того же числа сотский со своей квартиры перевелъ насъ на другую по приглашенію хозяина, къ Степану Субботину. Жили мы съ 11-го числа по двадцатое того же мѣсяца. Воспитывалъ онъ насъ и безпокоился съ нами, какъ отецъ родной до самого отѣзда нашего домой.

Пришолъ къ намъ старшина Золотицкого волостного правленія, приказалъ намъ собраться, что вы ѣдете сегодня домой съ ямщиками въ карбасе. Тогда хозяинъ дома благополучно насъ, Афанасія Тячкина, въ карбасъ занесъ, а Степанъ и Миронъ сами шли; Лукьяна тоже носкомъ занесли: За все наше проживаніе ни съ кого ничего не брали. Мы хозяина отблагодарили за неоставленіе ихнее при нашемъ несчастномъ положеніи. Тогда отправились въ путь по морю до деревни Козель. Тутъ Золотицкіе ямщики ¹⁾ благополучно сдали насъ козелскимъ, тѣ то-же провезли насъ мимо Куи до деревни Мудьюги. Мудьюгское правленіе тоже приказало содержать станцій насъ отправить в Соломбальское волостное правленіе.

¹⁾ Гребцы на земскихъ станционныхъ лодкахъ.

Благополучно завели насъ въ ямщиковый флигирь; мы тутъ узнали, что здѣсь есть господинъ исправникъ Архангельскаго земскаго суда Антонъ Степановичъ Русецкій. Ямщики доложили ему, что есть сего числа привезены такіе-то люди, из такого то мѣста и с такой то стороны. Тогда онъ тотъ же часъ пришелъ къ намъ и распросилъ отчего и какъ случилось. Тогда мы ему об-сказали все подлинное. Послѣ того приказалъ онъ ямщи-камъ отправить насъ куда мы желаемъ, но только что со-вѣтывалъ намъ в Архангельскъ къ своимъ знаемымъ для совѣту съ лекарями, такъ какъ мы въ это время были въ весьма слабомъ положеніи; наконецъ того сказалъ, что есть в Архангельскѣ жена Афанасія: „дожидается скоро-ли васъ привезутъ, а не то она уѣдетъ в Мудьюгу или далѣе васъ искать. Поѣзжайте въ Архангельскъ, застанете или нѣтъ ей, чтобы она не уѣхала“.

Тотчасъ же ямщики на лошадахъ в роспускахъ насъ привезли къ Нёнокскому третьей гильдии купцу Егору Васильевичу Суровцеву. Таковой пригласилъ насъ въ свой флигеръ; того дня было 22-ое число. Тогда его Суров-цева прислуга Авдотья Лукина Карташова извѣстила же-ны Афанасія на квартиры купца Михаила Васильевича Коковина. Той же минутой таковая къ намъ пришла. Вслѣдъ за ней Михайло Коковинъ послал лошадь с ку-черомъ, чтобы привезти Афанасія отъ Суровцева. Афа-насій былъ привезенъ къ Коковину, но на другой день 23-го числа Афанасія перевезъ къ себѣ крестный отецъ, купецъ Иванъ Михайловичъ Коковинъ на квартиру и пригласилъ для его лѣкаря портового Евима Яковлеви-ча господина Сѣрика для пристража за слабымъ здо-ровьемъ и выписки изъ аптеки необходимыхъ требуе-мыхъ лѣкарствъ. А Евгений Васильевичъ Суровцевъ для Кологрѣва, Тячкина и Лгалова тоже пригласилъ лѣкаря господина Стерна.

Лукиянь Лгаловъ 25-го числа сего мѣсяца померъ. Жили мы с 22-го мая по 10-ое іюня. Изъ домовъ при-ѣхали за нами и увезли насъ въ Нёноксу. Только что весьма было долгое время не могли излѣчить на себѣ ранъ отъ простуды, отчего и в настоящее время въ но-гахъ, ломотою въ костяхъ предвозвѣщаютъ ненастную и сырую, мокрую погоду, в чемъ и удостовѣряемъ своимъ подписомъ.

Афанасій Тячкинъ.

К этому присовокупляю, что по приѣзду домой я узналъ от своихъ домашнихъ, что по насъ былъ совершенъ заочный отпѣвъ и нѣсколько разъ отслужены были панихиды.

По настоящее время считаемся отпѣтыми.¹⁾

Еду из Нёноксы в Солзу. Морошка уж поспела и соблазнительно окаймляет дорогу. Журавль чинно отошел в кусты, не потрудившись взлететь при нашем приближении.

Я вспоминаю, что одна моя знакомая проводила лето с какой то художницей где то на Летнем берегу. Уж не в Нёноксе-ли?

Спрашиваю ямщика. Художница оказалась его племянницей.

— У меня росла. И племянник уж студент. Еще племянница в гимназии. Всех их кормил до ученья. Потом в города сами учились и сами себя и содержали.

— А твои дети?

— Мои дети только здесь в школу бегали. У меня сестра очень талантливая была. Как кончила здесь училищю, мать повезла в Архангельско; только показать зашла в гимназию, а директор говорит: „Я вашу дочку знаю, она у меня в книжке отмечена и записана. Вам только прошенье подписать“. Все ей устроил: и ученье и содержанье бесплатно. Сестра потом учительницей была, замуж вышла за учителя. Но оба померли. Так я уж ребят ихних выкормил. У нас тоже есть семейсво. Так половина С. ..х землю пашут, а половина образованье получила: один директор реального училищша, другой адвокат в Петрогради, третий—доктор. Училищю наше двукласно на деньги одного кресьенина построено.

— Богач был?..

— Нет, не богач. Он был старшим в артели на Николаевском вокзали, в Петрогради. В то время мало кто был грамотной, а он знал грамоты, вот его и выбрали. Так он за тридцать лет накопил пять тышш и все деньги оставил—половину на церковь, половину на училищю.—

Вот он какой новгородский народ!

¹⁾ Невестка автора сообщила, что, как только какая нибудь жонка рассердится, бывало, на Афанасия, так и кричит: „Ну, уж ты отпетый!“.

Современное народное искусство на Севере.

Мы слишком мало знаем о старом народном искусстве Севера. Кое-что мы знаем о старинном деревянном зодчестве, главным образом церквей, кое-что знаем о старых иконописцах, о двинской школе иконописи, но что и как творил народ в своих занесенных сугробами снега, заброшенных за непроходимые болота и леса избах — об этом мы не знаем почти ничего. Тысячи историков, художников, любителей и просто предпринимателей горами увозили с Севера предметы народного творчества. Все это рассеяно по небольшим коллекциям всей России, много продано за границу, увезено туда во время занятия Севера иностранцами.

Многие вещи поражают нас своим изяществом, своей экзотикой, оригинальностью, по многим видны остатки влияний то старого Новгорода, то Великой Москвы, то соседей финнов, то проглядывает экзотика северных кочевников, то отражение влияний суровой природы; но общей картины старого северного народного искусства у нас нет. Предстоят долгие годы собирания и изучения. Народ высоко ценит свое настоящее искусство и с трудом расстается с ним. И только при участии самого народа, при заинтересованности владельцев хранить свои ценности не у себя в ларях и чуланах, а в общественном месте, где бы каждый мог ими любоваться, только при таком условии мы можем собрать действительно ценные общественные коллекции, истинно отражающие душу народа. И в области искусства надо как-то подойти к общественному творчеству и к общественному собиранию индивидуального, переходящего в коллективное, искусства. Общества Краеведения, Отделы Народного Образования со школами и музеями и кооперация — вот главные рычаги такого собирания и изучения.

Для такого соби́рания нужны деньги и деньги. У государственных учреждений таких денег пока нет, нет их и у Общества Краеведения. А кооперация она подходит к этому вопросу с практически-экономической стороны, подходит к народному искусству, как к кустарной промышленности. Правда, этот путь имеет свои опасные стороны, но они есть везде. При умелых руководителях и специалистах и при небольшой доле покровительства этот путь может привести к большим и ценным результатам.

Мне хочется в настоящей статье поделиться результатами такого подхода к народному искусству со стороны Кустпромсекции при Архгубсовнархозе, которая сейчас сливается со всей кооперацией Архангельского края.

В период подготовки к Всероссийской Кустарно-Промышленной выставке Кустпромсекцией были командированы четыре художника в разные стороны губернии. При их помощи удалось собрать порядочно ценных экспонатов для выставки, которые там в Москве и остались—передаются в Главмузей. Но еще ценнее были связи, которые художники завязали с уездами, и те сведения, которые они привезли с мест.

Общее впечатление то, что после грозной бури и общей разрухи деревня стала не та, что раньше. Благосостояние начинает повышаться, а с ними возвращаются и потребности к красоте, творимой собственными руками. И влияние старины велико. Медвежьи углы, занесенные снегом избы, заброшенные за дремучие леса и топкие болота деревни крепко хранят в себе вековые традиции, легенды, песни, обычаи, храмы, дома, костюмы и мелкие украшения глубокой старины.

Строятся новые дома—братья и сестры старым соседям, иногда так же как и они раскрашиваются всеми цветами местных красок (Печора), украшаются вырезными „причелинами“, резными коньками, теремками крылечками, росписными ставнями. И только приходится пожалеть, что общественные дома строятся по шаблоннейшим коробкам городских чертежников, которые не только не принимают во внимание окружающих построек, но даже и самой природы.

Появляется та же тяга к украшению себя и всего окружающего и именно по старым своим традициям. И народ ценит эту свою красоту. Приходилось наблю-

Иллюстрации к статье П. Г. Истомина, стр. 21—22.

Современное народное искусство на Севере.

дать много таких случаев, как следующий: стоят в мастерской две прялки—одна исполнена хорошим рисовальщиком в городском стиле, другая расписана деревенским мастером в своем вкусе со старинными разводами и стилизованными в несколько мазков цветами. Цена одна. Заходят в мастерскую крестьянки. Удивляются и восхищаются росписью первой... а покупают вторую. Иная девица за 30—40 верст бежит пешком к мастеру расписывать свою прялку.

Свой обзор народного искусства я и начну с росписи этих прялок, корбеек, лукошек и т. п. Мы здесь даем репродукцию одной такой прялки. Это так называемая палащельская роспись Мезенского уезда. В историческом музее в Москве была только одна такая прялка, нами было послано на Всероссийскую выставку несколько прялок и много разных лукошек и корбеек. Обратите внимание, как покрыта вся плоскость прялки орнаментом: ни одного свободного уголка. Если где случилось свободное пространство, то примитивный художник заполняет его или зигзагообразным штрихом или просто крестиком. Ведь это сплошь далекий холодный Север, однако не напоминает ли он вам каких то египетских иероглифов. Интересно также различие исполнения оленя и лошади. Поразительны по своей стилизованности птицы, их количество и положение—наверху всей композиции. А прямолинейный орнамент—это бесконечное разнообразие, простор и всегда новизна. Коробы и лари покрываются по преимуществу им. И иногда этот орнамент настолько прост, строг и изящен, что грошевую вещь превращает прямо таки в сокровище. Не даром московские художники музея ВСНХ взялись за изучение его и разработку.

Но в это искусство палащельцев начинает вкрадываться режущая глаз новизна. Побывавшие в больших городах некоторые предприимчивые мастера начинают вставлять новые заимствованные мотивы, совершенно не подходящие к старому стилю. Мы при сношениях с палащельцами указываем им на эти нововведения и предостерегаем их. Это занятие палащельцев очень существенный, почти главный их подработок к хозяйству, и мы надеемся в скором времени организовать мастеров в артель и снабжать рынок их изделиями регулярно.

Такие росписи разных предметов, особенно прялок и туясов процветают еще в нескольких пунктах и в совершенно ином стиле, настолько же своеобразном, как и палашельцы. Из них интересны шенкурские цветы и разводы, о которых я упоминал выше. Т—во Северных художников в Архангельске намерено выпускать открытки с краеведческими мотивами, где будет издана и эта роспись шенкурят.

Другое интереснейшее роскошное ремесло—это резьба по кости холмогорцев. Ремесло это имеет за собою вековую давность. И в старину это было тоже действительное коллективное творчество, но сейчас оно застыло и приходит в упадок. Теперь осталось только пять мастеров, младшему из которых около 50 лет: Вот они: Гурьев, Узиков, Перепелкин, Шарыпин и Петровский. Работу каждого из них узнаешь с первого взгляда. Это хорошие мастера, но уже мало творцы. Однако и они на Всероссийской выставке отлично выдержали всероссийский конкурс. Их работы отличались жизненностью, изяществом и даже творчеством: целая этнография—это шахматы в виде очень удачно исполненного короля и ферязи—самоеда и самоедки—с их окружающей обстановкой: чум, собаки, олени и т. п. Мы помещаем здесь одноцветную репродукцию вырезанной из кости крышки от ящика. Это костяное тонкое кружево сделано дедами теперешних резчиков. Нынешние же мастера режут главным образом маленькие обиходные предметы, как напр. брошки и шпильки для волос с оленьей поездкой самоеда среди елочек или покрытых инеем стилизованных сосновых веток, мундштуки с оленем, белым медведем, моржем, костяные ножи для разрезывания бумаги с великолепными резными ручками с изображением тех же самоедов, оленей, рыб, иногда в виде целого памятника Ломоносову в Архангельске; портсигары, ручки в виде гусиного пера и т. п.

Кустпромсекция также стремится создать из этих мастеров, живущих почти в одной деревне, товарищество и открыла совместно с Т-вом Северных художников школу резьбы по кости, руководителем в которую приглашен один из лучших мастеров—Г у р ь е в. Нашей задачей является—собрать образцы старой резьбы и научить технике дела (вместе с рисованием и лепкой),

а творчество конечно предоставить самим работникам. Нынешние ученики оказывают блестящие и очень быстрые успехи.

Тоже к области скульптуры и даже чистого искусства надо отнести резьбу из дерева и по дереву беломорских рыбаков Зимней Золотицы. Я сказал чистого искусства потому, что эти резные фигурки есть уже целые вещи сами по себе и к тому же скульпторы не продают их, а просто дарят детям и знакомым. Истинные художники! Этой резьбой занимаются главным образом летом, когда они ставят тони (ловушки) для семги и ждут хода рыбы. Чтобы скоротать это выжидание, рыбак поднимается на берег и выбирает какое-нибудь изуродованное морским норд-остом деревцо „развилку“. Сначала он вертит в руках так и сяк прихотливо изогнутый сучек, подыскивая для него подходящее содержание, отыскивая сюжет. И раз идея явилась, в несколько минут готово ее осуществление — то какой-нибудь морской зверь, то петушок с задорно поднятой головкой, то барыня, то ребенок, то лошадка. И главная задача — это с наименьшей затратой энергии достигнуть наибольшего эффекта. Закончив вырезание, мастер накаливает на костре проволоку и украшает свою резьбу жжеными пятнышками и полосками. Редкое своеобразие! Талантливые мастера известны всей округе, они работают с улыбкой на лице, видно, что сами горят воодушевлением. А кончивши, тут же дарят свои произведения вертящимся около них детям.

В этом же месте процветает резьба по дереву и опять таки главным образом прялок. Эта резьба совершенно тождественна с резьбой старых нижегородских и сергиево-посадских резчиков, которую бывало так широко развил художник Поленов в Абрамцеве. Очевидно все резное дело сюда занесено какими-нибудь переселенцами или беженцами оттуда. Но здесь сейчас опять-таки примитив и чистое творчество, а не просто исполнение по намеченному чертежу. Хороший мастер, держа в руках доску, поднимает голову, вдумчиво смотрит на небо, тряхнет головой и ножик запрыгал в руках: звездочки, свастики, кружки, шестиугольники комбинируются с прямолинейным орнаментом в причудливых сочетаниях.

В этом же году нами сделано такое открытие, как

северные пинежские ковры. Опять таки примитив, далеко уступающий по технике и материалу персидскому ковру, но по тону, красоте композиции и рисунку—это брат, родной брат последнему. И оказывается, что эти ковры веками делаются в Пинеге, сундуки зажиточных крестьян покрыты ими, они красуются на лошадях и саях во время катания на масленице. А мы до сих пор не знали об их существовании. Набираются они на простом льняном утке (пряже) из крученой коровьей с прибавлением овечьей шерсти, окрашенной там же на месте в разные цвета. Толстые пушистые мягкие ковры с глубокими матовыми тонами, со стильным симметрично расположенным рисунком. Но симметрия эта постоянно и сознательно нарушается какими либо вариациями. И представьте себе—в коврах далекой северной Пинеги чувствуется влияние южного востока, волжско-татарского периода. Хотя такое влияние чувствуется не в одних коврах, но и во многих вышивках самых глухих местечек всей губернии. Но эти влияния так переделаны на северный лад, что получается чисто северное народное творчество. С этими мастерами мы завязали самые тесные отношения, организуем в артель, снабжаем шерстью и красками и скоро будем поставлять для любителей северные шикарные ковры.

Ткацкое дело распространено по всей губернии и также своеобразно и характерно. Десятки тысяч ткачих сидят за „краснами“ (станки) в великий пост и ткут: портно, холсты, камчатки, пестряди, сукманину, одеяла, шерстяные юбки и т. п. Конечно, постоянно мастерицы берут друг у друга, ищут в других деревнях образцы тканей, но постоянно меняют их по своему. Рисунки отличаются большим разнообразием, от самых ярких и пестрых, до сурово-простых и сереньких. До войны особенно славились холсты, камчатки, скатерти и т. п. двинских мастериц, начиная от Архангельска и выше по Двине. Они были широко распространены по всему северу даже до Москвы. Сейчас это-занятие, как ремесло заглохло в виду полного отсутствия тонкой фабричной пряжи, которую мастерицы покупали на рынке и прибавляли к своей. Кустпромсекция поставила себе задачей возродить это ремесло, хорошо рассчитывая, что даже при самом полном развитии машинной мануфактуры, эти холсты и проч. всегда выдержат конкуренцию своей

кустарной художественностью, тщательной выделкой и крепостью. Интересно сравнить постряди довоенные и последнего времени. Эти последние утратили свою яркость; только одна—две красных или синих ниточки разнообразят гладкую поверхность, но и они всегда размещены очень удачно. Ценна и красива также деревенская ткань, по преимуществу из коровьей шерсти. Для портьер, штор, ковриков она пойдет великолепно по своей дешевизне и может служить украшением не одних только скромных жилищ.

К тканию же можно отнести и вязание, вернее ручное тканье самых пестрых шерстяных поясов, процветающее в Мезенском и Онежском уездах. Мезенские более яркие и не всегда гармоничные, онежские же более гармоничны. Особенно отличается одна онежская мастерица, буквально артистка своего дела. Ей было дано до 80 моточков самого разнокалиберного гарусу, и из них она в несколько дней соткала 30 слишком поясов, ни разу не повторившись, ни в сочетании красок, ни в рисунке своих удивительных и гармоничных переплетов свастики.

Мезенские же мастерицы тканья поясов вяжут из такой же разноцветной шерсти красивые, мягкие, теплые рукавицы.

Относительно вышивок, кружев и вязанья приходится сказать, что как бы они ни были хороши с этнографической, исторической и художественной стороны, но с практически-производственной стороны к ним подойти трудно. В наше время фабричных строчек и прославленных вологодских и других кружев трудно использовать одиночные поделки этого рода. Разыскивание их и скупка требуют времени, больших хлопот и порядочно денег. Как изготовленные не на продажу они расцениваются мастерицами очень высоко. Сейчас деревню кроме того завоевало тамбурное кружево крючком, которое совсем не интересно и не самобытно. Так называемое „вязбление“, эта северная строчка и до сих пор часто попадает в деревнях. Она чрезвычайно интересна с художественной и этнографической стороны и по исполнению и по рисунку, но работа над ней слишком трудна, чтобы сейчас подойти к ней с практической стороны и выдержать конкуренцию с шаблонщиной и машиной. Но говоря вообще о мелких рукоделиях, надо сказать, что они очень разнообразны и широко рас-

пространены на севере. Много талантливых и опытейших мастериц особенно среди бывших монашек, которые и золотом шьют и бисером вышивают, вяжут и вышивают и гладью и пером и т. д. и т. п. Но практически ко всему этому мы подошли еще пока слишком слабо.

Говоря о кружевах, мне хочется здесь же охарактеризовать и наши сахарные кружева на вкусном и фигурном прянике — Архангельские рождественские козули. Это буквально кружевная северная сказка. Время рождения их — доисторическое, местожительство — только Архангельск, а разнообразие бесконечное. Эти пряники вкусные сами по себе, вырезаются специально приготовленными металлическими и очень редко деревянными формами, которые переходят из рода в род и которых знатоки насчитывают до 400, затем они покрываются разноцветным сахарным узором. Трудно перечислить хотя бы самые характерные фигуры, тут и звери, птицы, ангелы, петухи, цветы, олени, звезды и т. д. и т. д. А роспись их уже совсем бесконечно разнообразная начиная с солидных примитивов с золотой фольгой и кончая художественными произведениями эмблем рождественского праздника, деда мороза, снежной хижины и т. п. Пекут и расписывают их исключительно одиночки кустари. Имеются старые древние артисты этого дела. А расход их так велик, что мастера и мастерицы начинают готовить их к Рождеству с сентября месяца. Положить бы такие козули в специальные хорошенькие коробки, так это был бы не только по всей России, но и везде за границей шикарнейший детский подарок.

Кроме чисто русского народного искусства у нас на севере есть еще искусство кочевников-самоедов. О нем мы знаем еще меньше, чем о русском. Но все таки то, что нам приходится видеть, не менее интересно с художественной и этнографической стороны, чем русское. И особенно эта экзотичность, своеобразность, стильность и сам материал — только меха — приводят в восторг всех видящих в первый раз эти вещи. Всякие разукрашенные полосками-зубчиками из цветных сукон туфли, пимы, малицы, тучейки, падки, (сумочки), коврики — своеобразная прелесть. Но заняться организацией производства этих вещей среди самоедов — невозможно. А жители Печоры, близкие к самоедам, воспроизводяг их иногда

более приукрашенными чем следует, и не из того материала. Однако и эти произведения печорцев, из которых мы организовали уже несколько пошивных артелей, делают очень близкие к самоедским вещи.

Вот пока и все в области народного искусства, к которым мы подошли вплотную с точки зрения кустарного производства. Намечается еще несколько, как напр. гончарное, плетение из ивы и бересты, резьба по дереву и др., но это в будущем. Крупных ошибок нами пока, кажется, еще не сделано, а результаты получаются во всех отношениях благоприятные и многообещающие.

И мы надеемся, что если Общество Краеведения и Губоно подойдут к народному искусству со своих сторон и вступят в тесное взаимное сотрудничество, то мы в самое ближайшее время соберем богатую картину этого океана искусства и творчества, куда должны течь все реки искусства и откуда они все вновь возвращаются в виде то красивых, разноцветных и величественных поднебесных облаков, то грозных туч, освежающих высохшую или оскверненную почву искусства и дающих начало свежим хрустально-чистым родникам.—

Е. Тагер.

Искусство и быт Севера.

Народный быт проникнут искусством. Это положение всеобщее и в частности оно наиболее применимо к Русскому Северу. Он даже и в первой четверти XX века для искателя-художника Клондайк. Стоит только захотеть. Всякий, живущий на Севере знает, как много художественных ценностей отсюда вывозилось, сколько их растратчено, истреблено. И все же...

Даже сам „Архангельской город“, сквозь общее всем городам засилье фабричного шаблона, сквозь влияние северной Европы—вдруг возьмет и наметнет чем-то живым, искренним и красочным до восторга. Здесь на базаре мелькают то печорские разноцветные рукавицы—смелое и свежее сочетание фиолетовых, малиновых, синих, оранжевых оттенков; то мезенские тканые пояса—на узеньком, в палец шириной, в три аршина длиной, пространстве разработан сложный мотив переплетенных цветных линий, опять самые неожиданные и прозрачные краски. На улице можете встретить старушку в широком набойчатом сарафане,—по синему полю наштампован белый узор—крупные фантастические птицы и цветы; узенькие лямки этого „синяка“ с нежным вниманием отделаны оранжевой тесьмой и чуть-чуть расшиты темно-желтыми блестками...

В домах архангелогородцев попадают, и не так уж редко—„пристены“ и „занавески“ „вязблена дела“, где выстроены особым способом стилизованные львы, павы, олени, вазы с цветами и даже двухглавые орлы... Попадают и полотенца „спичники“ с широкой полторааршинной полосой „брани“—краснобелого тканья, такого благородного, живого узора, что хоть сейчас его на выставку и в музей... А к Рождеству—Архангельск загружается „козулями“, которые составляют истинную радость детей и художников; сласть сластью, но что за сказочные, примитивно-причудливые формы, что за богатая роспись, то сплошными пятнами, то тонкими струйками сусального золота и розово-белого сахара по коричневому фону.

Все это в городе,—в двух шагах от порта и Европы. А какие радости ждут исследователя там, в этом лесном, озерном, недоступном, непроходимом краю, в этой, по слову древнего поэта „земле незнаемой“, где, по слову поэта современного, „Русь опоясана лесами и дебрями окружена“. Течение рек, изгибы поморских „губ“ говорят о путях следования древних колонизаторов; негустыми пятнами осели их наследники там, где первоначальный колонизационный поток замедлился силой естественных преград или соблазном удачных условий. Время над ними как будто приостановилось. Над страной проходили войны, смуты, экономические потрясения, дворцовые перевороты; здесь из года в год, из века в век отлагался, отстаивался свой, крепкий и складный быт. Наплывали новые волны переселенцев; приносили кой-какие осложненные навыки, расширенные понятия. Но суровый и крепкий жизненный строй, целиком выкованный в борьбе с природой и стихией быстро отбрасывал все лишнее, все, что требовало большого досуга, прочной обеспеченности, готовых рабочих рук—все те потребности и вкусы, какие могли развиваться в условиях городского или дворянско-усадебного быта. Оставалось и укреплялось только то, что действительно и непременно потребно человеку. Весь уклад северной крестьянской жизни крепок и несложен; он как-бы построен по принципу—ничего случайного и ничего лишнего. И если в этом несложном и чрезвычайно органичном быте, где каждое явление вырастает из всего жизненного строя и ничто по существу чуждое этому строю к нему не привьется,—если в этом быте так глубоко внедряется художественный момент, так щедро рассыпаны явления искусства—это значит, что искусство само по себе есть исконнейшая, необходимейшая человеческая потребность. Она неистребима; вместе с другими основными органическими потребностями—питания, размножения, труда и познания—она переживает множество потребностей вторичных, случайных, временно нарастающих и со временем умирающих. Это положение—о неперменной необходимости искусства—едва-ли отчетливо создается и формулируется в деревенском быте. Об этом не думают: на прямой вопрос о произведениях искусства „зачем“ и „к чему“—скорей всего ответят, что ни к чему, „т а к“.

Но остаться без этого красочного, животворящего элемента — не согласятся. Здесь жители знают обыкновение поморов-промышленников: отправляясь на промысел, артель включает в число членов певца-сказочника и этот артист, отработав сезон, получает равную со всеми долю улова. Такой маленький факт — ключ к задаче, что значит искусство в народном сознании.

Общая устойчивость, даже косность северного быта обусловила чрезвычайную устойчивость, целостность художественных традиций. — Исследователи ценностей художественного слова, так назыв. народной словесности — были поражены сохранностью и чистотой живущих на Севере памятников словесного искусства, восходящих в отдельных случаях к домонгольской древности, в других — к допетровской, догрозовской старине. Какой знаменательный факт: былины, духовные стихи, причеты, заговоры, обрядовые и лирические песни удержались сквозь столько веков в народной памяти (не столько в феноменальной памяти отдельных исполнителей, сколько в общей, родовой памяти — памяти коллектива). Это не только потому, что эти памятники очень художественны и что народ очень чуток на эту художественность, но еще, и главным образом, потому, что они для северянина до сих пор актуальны. На Кулое и сейчас живут чародеи, которые творят заклинания и властны заговорить (вылечить внушением) болезнь организма и болезнь воли. С Пинеги — на наших, можно сказать, глазах, — О. Э. Озаровская вывезла славную сказительницу былин — недавно скончавшуюся М. Д. Кривополенову; мне приходилось слышать утверждения местных патриотов, что „бабушка“ вовсе не исключение и что чуть-ли не в каждой волости обитают, никому неведомые, сказители и сказительницы, равные Кривополеновой. То большое количество былин, какое в короткий срок собрано Григорьевым в одной только Мезени¹⁾ — до известной степени подтверждает это положение. Остается фактом, что былины до сих пор во множестве поются, слушаются, отвечают врожденному драматическому чувству, а в известной мере и историческому любопытству — поскольку речь идет

¹⁾ Архангельские былины и исторические песни собраны А. Д. Григорьевым т. III. Мезень. Изд. П. А. н. 1910 г.

об исторических героях. Что же до причетов и плачей, то здесь исполнители и слушатели сами становятся героями и это врожденное драматическое чувство ведет их на огромную художественную высоту. Мне пришлось видеть (у Б. В. Шергина) фотографический снимок, который в первую минуту показался мне репродукцией чьей-то замечательной картины: на самом берегу разъяренного моря столпились несколько женщин; руки подняты скорбным и грозным жестом; ветер клубит широкие подолы; над головами носятся перепуганные чайки; в высоте остановились зловещие тучи. Это творится обряд плача по промышленникам, погибшим в Белом море; снимок сделан с натуры.

Трагической игрой со сложным, детально разработанным сценарием—окружены основные моменты жизни человека: смерть, брак. Трогательные свадебные обряды—общеизвестны. Правда, теперь это уж не столько живая жизнь, сколько красивая традиция. Крепок, устойчив деревенский быт, но кое в чем уступил и он: брак уже не так близок к насилию; замужняя жизнь не так безотрадна. Больше покорности обычаю, чем сердечного горя в обязательном плаче невесты; и подружки тоже по обычаю, без сердец, ругают свата, „свата вилавого, змея семиглавого, враля редкозубого, не ходи, да не сватывай, не мани да не обманивай“, и так же равнодушно похвалят, когда руководимый обычаем сват даст им условный выкуп. Но если у невесты есть драматическая жилка (а сценический талант у русских женщин встречается чаще, чем можно думать), если она действительно жалеет об уходящей молодости и колеблется вступить на трудный и горестный женский путь,—то традиционный обряд разворачивается подлинной драмой. Отчаянный, раздирающий сердце плач невесты доходит до экстаза; подружки, как мудрый трагический хор, то поддерживают ее слабеющий голос, то отступают, предоставляя ей—первой актрисе—первый план. А сват и свахи—представители трезвого житейского начала—своими юмористическими выступлениями разрежают атмосферу скорби. И все это такое жизненное, такое насквозь перестраданное действо вливается в долгим опытом выношенные высоко-художественные формы

Деревня знает еще один насыщенный драматизмом сюжет: проводы солдата. Когда-то провожать рекрута

на Петровские, Екатерининские войны, на Николаевскую двадцатипятилетнюю каторгу—было все равно, что опускать его в могилу. Потом стало легче. Драма свелась к обряду, к художественной традиции. Но XX век принес новые войны и новые страдания. В 1914 как и в 1812-м, как и в 1770-м г.г.—слышались те-же раздирающие слова и также лились дешевые бабьи слезы.

Привожу интересный текст современной песни, записанный мною со слов Д. Онохиной, крестьянки дер. Пылема, Устьважской волости Мезенского уезда. По словам певицы, эта песня поется в Мезенском уезде при проводах солдата.

„Склася, сбрася мой милый во котомочку,
Да сам отправился любезный милый во дороженьку,
Хоть не в дальнюю, да было во печальную,
Ой не в далешеньку, да жаль дружка тошнешенько.
Ой да воротикося любезный милый поскорешенько,
Ой да не воротисся назад, да я помру с тоски,
Да с тоски я горючей той да с той лихой кручи-
нушки,

Надорвется мое сердце слезно плакучи,
Слезно плакучи да было взрыдаючи,
С той дороженьки дружка назад ожидаючи.
Ой да ты не жди, не сиди-ка ты, милая поздно
вечером,

Ты не жги, не тай да свечки сальные,
Свечки сальные, шнурки было бумажные,
Ты не жди, не дожидай да дорога гостя,
Дорога гостя да милого дружка“.

Надо думать, эта песня развилась из первоначального плача или причета.

Уже эти беглые наблюдения довольно подтверждают мою основную мысль—о нераздельности народного быта с искусством. Перейдем из области искусства словесного к искусствам изобразительным и мы встретим такой же обильный, такой же ценный материал.

Отдельные большие монографии можно бы посвятить северной вышивке, северной набойке; специального очерка заслуживают козули с их разнообразными (несколько сотен) сюжетами и такими стильными, строго традиционными формами. Ждут своего исследователя красочные туяса, расписанные стилизованными цветочками, где длинные изящно завитые усики и вытянутые

пятна листов приближаются к манере Чехонина (только народные мастера имеют преимущество безыскусственности). Целое богатство представляют собою Палашельские расписные изделия: деревянные чаши простых и благородных форм; очаровательные беленькие ложечки, на которых несколькими штрихами показаны примитивные птицы, кораблики, цветки, звездочки; прялки, густо покрытые кружевом росписи (о них подробнее смотри в статье П. Г. Истомина). Какой предмет ни возьмешь в руки, какого человеческого изделия ни коснешься,—шитье ли перед нами, вязбленье, тканье-ли ковров, резьба по кости, выделка дерева, горшечное, валяльное ремесло — всюду присутствуют элементы искусства.

Минуя многие, сравнительно изученные ценности, я хочу остановиться на одной разновидности бытового искусства, именно—производство игрушек. Это чрезвычайно любопытная область до сих пор оставалась в тени. Игрушки очень недавно стали предметом изучения; описывать их, коллекционировать, помещать в музеи только начинают. Но в жизни, в быте—это предмет, который ежесекундно попадает под ноги. Игрушка заводится везде, где есть дети. А где их нет? Цены игрушкам не придают никакой (богатые и сложные игрушки фабричного изготовления в счет не идут; ими не столько играют, сколько хвастаются; дети их ненавидят). Обыкновенная, нормальная игрушка безжалости ломается, калечится, выбрасывается и заменяется новой. Скучная игрушка, не говорящая воображению, не оживающая в детских руках—популярна не будет. Поэтому „хорошая“ любимая игрушка та, которую можно ломать и с которой приятно играть, т. е. такая, где стоимость доведена до минимума, а выразительность до максимума. К этому присоединяются требования педагогические: игрушка не должна быть безобразна, чтобы не портить детский вкус, должна быть правдива и гуманна по существу, чтобы беречь детскую душу. И, наконец, требования гигиены: игрушка должна быть сделана из безвредного материала, при употреблении не должна вызывать у ребенка лишних усилий. Всем этим заданиям в высшей степени удовлетворяет народная игрушка. Дошкольницы знают, как трудно обставить детские учреждения недорогими и подходящими игрушками. Внимательные

матери чуть не плачут перед фабричными сокровищами, на которые дети и смотреть обыкновенно не хотят. Сколько раз северная народная игрушка вывела бы их из затруднений! Она соответствует решительно всем требованиям и кроме того, она чрезвычайно художественна.

Игрушки крайнего Севера — собственно, самоедские — приходится выделить в особую группу. Самоедские игрушки очень своеобразны. Это куклы, у которых место лица занято птичьим клювом; у маленьких — к маленькому острому носику пришито несколько цветных тряпочек, изображающих одежду; у больших — огромный гусиный или чайкин клюв выглядывает из полного самоедского костюма. Этнографы объясняют эту особенность тем, что самоеды (как и другие малокультурные народы) избегают делать куклам человечесьи лица по мистическим соображениям: наделив куклу лицом, можно нечаянно дать ей и человечесью душу; такая кукла способна ожить и причинить вред ребенку.

Деревянные резные игрушки русского Поморья, наоборот, стремятся к большому сходству с изображаемым предметом. Но это сходство изображается не подробным копированием всех деталей, а тем приемом, который в искусстве называется импрессионизмом: двумя — тремя чертами передается впечатление от предмета и притом впечатление усиленное, сгущенное. Ясно, что эти основные черты должны быть переданы очень метко, иначе получилась бы карриатура. Таковы и есть деревянные кони, белки, медведи, которыми играют северные дети. Резчик передал не все, что свойственно, а то, что характерно для данного сюжета. Мы легко узнаем выгнутую шею и крутые бока коня, легкую позу белки, неуклюжий поворот тяжелого медведя. Больше ничего и не нужно. Для того, чтобы напомнить коня, намекнуть на коня — достаточно крутой шеи и разставленных ног; остальное — от воображения. Дело художника передать основное в его понимании сюжета. Это происходит не от неумения. Осложнить композицию нетрудно. Но художественные традиции и чувство меры подсказывают, что лучше остановиться на пределе примитива. А этот предел достигается очень не просто. Большая ошибка — считать примитив элементарной, низшей ступенью творчества: он требует многого.

Прежде всего, необходимо врожденное чувство меры и чувство сюжета. Людям, отошедшим от народной культуры—это положительно не дается. Вместо говорящего и выразительного примитива, получается бедное и грубое упрощение. Примитивные вещи умеют делать только народные художники, как народные песни умеют петь только народные певцы.

Средняя Россия знает художественные примитивы народного происхождения (так назыв. кустарные игрушки) на всевозможные темы; доминируют коньки, солдатики и барыни (отзвуки крепостных впечатлений). На Севере—преобладают звериные сюжеты; редко встречается деревянная кукла—человек. Она разработана до того в примитиве, что взрослому цивилизованному глазу кажется странной: совсем нет индивидуальных черт, отсутствует даже характеристика пола и возраста. Но мастер знал, что делал. Опыт показывает, что дети особенно ценят такие игрушки, где задания игры им только подсказаны, но не навязаны, где кукла—просто кукла, а не мальчик и не девочка и не взрослая. Превращения такой куклы бесконечно разнообразны, к ней примеряют все мыслимые жизненные ситуации, и такая игра не наскучит.

Куклы такого рода встречаются и в Вятской и в Вологодской губерниях; лошадиные примитивы, как сказано, распространены в Средней России. Возникает вопрос (не раз задаваемый и относительно вышивок, тканей и др. изделий), насколько самостоятельно все это творчество. Нет-ли тут скрытого или явного заимствования от готовых образцов?

Это один из самых трудных вопросов—не только в данной, но и в любой области творчества. Как доказать, что в таком то конкретном случае мы имеем не заимствование, а простое сходство художественных приемов? В конце концов, это недоказуемо. Исследователи литературных явлений знают метод для распознавания заимствований, предложенный академиком Веселовским. Метод этот вкратце сводится к следующему: невозможно предположить, что два тождественные сюжета, одинаково сложные, одинаково богато развитые и украшенные многими тождественными подробностями—могут быть разработаны сразу в двух местах; в жизни вообще нет одинаковых явлений и чем сложнее происшествие, тем мень-

ше вероятия, что оно в точности повторится. Наоборот, два одинаковых элементарных сюжета, состоящие из одного—двух простых положений, без всяких деталей—вполне могут возникнуть в разных местах самостоятельно, самопроизвольно. Итак, чем сложнее и разработаннее два схожих литературных произведения, тем больше данных, что одно из них заимствовано; чем они проще, тем допустимее их самостоятельность. Думается, этот метод мог-бы не без успеха быть применен при исследовании любых художественных ценностей, происхождение которых вызывает сомнение. находка на Севере большой сложной художественной композиции, совпадающей с аналогичными явлениями других местностей—говорила-бы, может быть, о той или другой степени влияния. Но Мезенские солонки и ложки, Онежские кони и куклы—безхитростные отражения обыденных впечатлений, — могли возникнуть совершенно независимо от Троице-Сергиевских или Нижегородских образцов.

Есть на Онежском Поморьи один вид деревянных примитивов, который несомненно свойственен этой именно местности и возник в полном смысле стихийно. Это Золотицкие деревянные игрушки, изготавливаемые промышленниками из древесных развилки, уродств и искривлений. Это игрушки, так-же малоценные и недолговечные, как и всякие другие; ни чем другим их создатели их не считают. Но художественная ценность их настолько выдается, что эти изделия с полным правом можно отнести к особому скульптурному виду: деревянной миниатюре. Каждая из этих статуэток уникальна, т. к. данное искривление неповторимо. Жизненность, выразительность, простота исполнения—выше всяких слов, чувство материала поразительно. Художник не навязывает своей идеи материалу: он бережно и осторожно выявляет тот образ, который на миг почудился ему в движениях древесной развилки. Единственный инструмент—нож; бережно, скупко срезается лишняя масса—до того скупко, что где-где так и остается не снятая кора. Из под рук художника вырастает петушок, курочка, чирок, олешек, морж—кто зафиксирован поющим, кто дерущимся, кто прислушивается, кто испугался,—все схвачены в трепете, в жизни, в движении. Еще несколько узоров—пятнышек,—шомполом или раскаленной прово-

локой,—и игрушка готова. А мастер, ни мало не ценя ни труда, ни результата, тут-же дарит ее жадно следящим за работой ребятам.

Хочется отметить еще один тип деревянных изделий, занимающий среднее место между игрушкой и украшением,—тоже специфически северный тип. Это так называемые деревянные голуби. Родина их — Шенкурский уезд, но они популярны и севернее. Большая, до $\frac{3}{4}$ аршин в диаметре, фантастическая птица простирает крылья, невероятно искусно сделанные простым ножом, без гвоздя и клея из множества тонких выгнутых деревянных планочек. Такой же хвост, раскрытый веером, а на голове—такого же типа венец, придающий птице сказочное величие. Грудь выгнута гордой, красивой линией, длинный клюв сомкнут. Пава—не пави, орел—не орел; на голубя похоже меньше всего; сказочная райская птица. Подвешенная под поголок, она тихо колеблется—плавает—от всякого движения воздуха. Или, сидя на подставке, гордо подымает пышный венец и распростертые крылья. Иногда крылья позолочены, но это не так красиво; лучше когда они сохраняют натуральный деревянный цвет, чуть оттененный легким красносиним узором. Откуда взялась эта удивительная птица? Возможно, что происхождение ее культовое: напоминание о Св. Духе. В этом качестве она могла бы висеть перед иконами. Теперь это забылось. Нарядный, благоухающий свежим деревом голубь—если не вешается под потолок, то отдается ребятишкам, которые с таким же азартом ломают игрушку, как и всякую другую.

И эта игрушка, при всей чудесной своей красоте—такая же обыденная часть быта, как и всякая другая. Из отдельных частей, из малых крупиц складывается большой и целостный быт и из этого быта, пронизанного искусством, новые и новые художественные ценности — ибо стихия народного творчества неистощима.

А. А. Евдокимов.

Характер колонизатора.

I.

В краеведении последних лет явственно обнаружился интерес к изучению „человека“ в рамках данного края.

Природа хозяйство—человек—вот основание наших краеведческих изысканий. Любознательность к „человеку“ конечно всегда была, но сейчас эта любознательность приобретает особый оттенок. Мы теперь изучаем природу и хозяйство, чтобы устроить нашу жизнь, и мы стали бы изучать „человека“, чтобы знать, как воспитать „его“ для устройства жизни. К сожалению, ни методология такого изучения, ни методология воспитания не ясны еще нам в начале нашего пути. Краеведчество наших дней идет пока старыми путями, проложенными этнографией, антропологией, оно озабочено собиранием и накоплением фактов и сведений, не пытаясь активно вмешаться в педагогическое дело.

В нижеследующих заметках я делаю попытку обозначить несколько отличные приемы наблюдений в указанном направлении. То, что я хочу сказать, нужно бы изложить более обстоятельно. Но мне и самому не все достаточно ясно.

Влечет же меня к этим заметкам тот практический импульс, который не мирится с недочетами наших теоретических познаний.

II.

В Архангельском крае все краеведчество должно быть проникнуто вниманием к задачам колонизации.

Изучая „человека“, мы должны уяснить себе, какого именно человека нам нужно воспитать, чтобы из него вышел надежный колонизатор. По этому заданию я

рассуждаю таким образом: надо уяснить те черты характера нашего „краевого“ человека, которые благоприятны для колонизаторской деятельности и путем общественно-педагогического процесса усилить их нарастания в личностях и группах.

Для этого нужно проделать большую исследовательскую и педагогическую работу.

Нужно прежде всего научиться „изучать“ характеры.

В этом случае практика должна идти впереди теории, ибо теоретически самый вопрос о том: что есть „характер“—весьма и весьма темн.

Однако, в практике, мы оперируем этим понятием и достигаем взаимного понимания.

Краеведчик—партизан науки. Ему легче делать налеты в те области, где присяжный ученый не находит подходящего оружия. Может быть меня и осудят за такую мысль, но я полагаю, вредоносного в таких маленьких претензиях не заключается. Во всяком случае „образчики“ своих наблюдений над „характерами“ я бегло набросаю.

III.

В Архангельском крае население живет скученно и даже очень скученно. Математический подсчет дает менее одного человека на квадратный километр, а фактически наблюдается теснота и скученность по берегам больших рек. Перед окнами деревни река, а зади, чуть не с задворок, начинаются болота и „сюземы“.

В Чухчерьме, в семье одного крестьянина, когда мы толковали о том, какие привольные места имеются на Озерах, всего в 25-ти верстах от данного села,—хозяйка дома, дородная и строгая, как Марфа Посадница, сказала, как отрезала: „Поди-ка сунься, да там тебя комары с'едят“. Комары это действительно противники колонизации. Против них применяются накомарники, логи, куколи, рекомендуется скипидар, — но думаю, что лучшим средством против них является подходящий характер. Как-то, в одну из наших маленьких летних экспедиций мы с Иваном Степановичем Сыновым сидели возле костра на берегу речки Лаи. Всем известно, что на речке Лае имеется всего лишь две деревни и обе они недалеко от впадения Лаи в Двину, а длина

Лаи свыше ста верст. Места, в кои мы забрались были тихи и безлюдны. Мы уже собрались вздремнуть, как покой реки был нарушен гребцом, вывернувшимся из-за крутого берега. Темь, тишина. По середине реки едет в лодке человек и не поет, а кричит что-то безмотивное и слегка оголтелое. Заметил наш огонек и сразу осекся, остановился, а через минуту подворачивал к нашему берегу. Я понял так: ехал человек в одиночестве и захотелось ему слиться с природой, которая в этих нетронутых, малообжитых местах как-то особенно о себе заявляет и вот подкатились у него к горлу какие-то волны и вылились в дикий мотив.

Посидели на берегу втроем, побеседовали, выпили чайку. Встречник наш оказался „колонизатором“, из одной деревни с Двины, имеет расчистку верстах в 40 от своей деревни и летом там рыбачит по малости.

После того, как наш встречник уехал дальше, Иван Степанович высказал такие соображения: что крестьянин мол этот, как видно, хозяин не важный, один из тех деревенских „диллетантов“, кои не столько дела пытаются, сколько от дела лытают. Так, мол, на них в деревне и смотрят. И вообще, мол, ежели деревенский домохозяин ударяет по рыбной ловле и в проекты пускается, то деревня относится к нему иронически.

К этому замечанию Ивана Степановича я не мог не прислушаться. Мне неоднократно приходилось встречать в нашей деревне таких своего рода мечтателей, как бы лишних людей, которых выбивает из колеи какая то недостаточная погруженность в обычный уклад. Человек и умный, и предприимчивый, а хозяйство не вытанцовывается. Здесь в Архангельском крае таких манит природа и одинокая жизнь с ней и приключения, реальные или воображаемые. Здесь есть куда уйти и уходят.

Недавно мне кто-то сказал, что новая Мезенская дорога (напрямик) начала заселяться, уже семьи три поселилось, только, мол, наред подбирается в хозяйственном отношении маломощный. Да, так оно и есть: обстоятельный человек с привычным укладом расстается неохотно. Все ведь относительно. Каждая деревня имеет свой привычный уклад, свою „конфорку“. „Конфоркой“ один мой знакомый москвич называл комфорт. Так вот эта „конфорка“ и держит. Там и глушь, и комары, и слова не с кем сказать.

Чтобы расстаться с „конфоркой“ и примириться с комарами надо иметь характер „мечтателя“, или „природника“, который бы чувствовал дикую романтическую связь с природой.

„Природник“ это не всегда мечтатель. Можно быть очень деловым человеком и впадать в „транс“, находясь насупротив токующего тетерева или мечущагося на леске сазана.

Несколько долгих лет назад,—рассказывал мне один приятель в Харькове, пришел он в контору к видному на юге воротиле по горно-заводскому делу. То есть воротила то был по горно-заводскому делу, а приятель мой пришел к нему по делу легкомысленному, на предмет страстишки по рыбной ловле. Услужаящие говорят: „хозяин занят, без доклада войти нельзя, скажите по какому делу“. Приятель мой смутился и от смущения брякнул: „Да я мол насчет рыбной ловли“. Через минуту: „Пожалуйте наверх“.

„Прихожу,—говорит,—а этот самый воротила с самым озабоченным видом из пробки поплавки вырезывает“.

На одном из озер, вблизи речки Урзуги мы с Иваном Степановичем Сынковым в прошлом году погостили у одного такого природника. Это человек сразу видно обстоятельный. Он и избушку образцовую для себя построил, и огородик развел, и рыболовство обосновал как доходную статью и уху варил, как-то особенно деловито—жирок из окуней выскребал и очень вкусно сдобрил им уху. Из своего пребывания на озере он сделал себе дачу. Для такого природника его родная деревня, находящаяся в двадцати верстах от этого озера и состоящая из двадцати дворов, является уже надоедливопрозаическим местом. Он ищет хотя бы временного уединения в дикой глуши, где никто и ничто не мешает ему упражнять дремлющие чувства и тяготения. Охота и отчасти рыбная ловля—на половину промыслы, наполовину — страсти,—то есть движение характеров.

Рыболов, обсуждая ресурсы какого-нибудь озера, редко забудет упомянуть о природных его красотах, о кудрявых островах на нем. Охотник будет говорить о весенних утренниках в лесу, о лесных голосах и запахах. Эту взаимную всепроникающую связь промысла и страсти хорошо знают и охотники и рыболовы. По-

этому охотничья и рыболовная литература давно уже имеет традицию к рассказам об охотничьих приключениях и красотах природы. И это правильно. Ибо с точки зрения делового скепсиса: „рыбка да рябки—потерянные деньки“.

Только мечтатель и природник, вкрапленные в наш характер, дают основу для преодоления этого скепсиса.

„Мечтатель“ и „природник“ являются также и немаловажными пружинами для оживления колонизации.

И это как раз те пружины, которые наиболее поддаются воздействию педагогических влияний. Мысль Фурье, что страсти могут быть направлены как целесообразные общественные силы, как и всякая мысль гениального человека—носит в себе зерно истины. Страсть к бродяжничеству и природничеству может создавать никчменных бесхозяйственников, может плодить нищету и она же открывает новые земли, объединяет разобщенные племена, создает новые промыслы. В нашем крае мы стоим под знаком элементарной колонизации—то есть „расселения“.

Нам необходимо расселиться, выбиться из полос скученности, заселить новые дорожные пути, проникнуть в отрезанные лесные массивы.

Для всей этой подвижки нужны конечно материальные средства, нужны новые технические познания, но вместе с тем нужна инициатива, подвижность и отсутствие рабства перед „конфоркой“.

Поэтому культивировать эту струю, направлять и оживлять в характерах „мечтателя“ и „природника“ задание немаловажное и необходимое.

Чтобы провести это задание, надо использовать школу, кафедру, местную печать и местную литературу.

А для этого надо дать соответствующий материал школьному учителю, лектору, журналисту, художнику. Вполне ясно, насколько близко эта задача соприкасается с основными задачами краеведения. Мало изучать местную природу научным анализом, надо прочувствовать ее в слове и в образе. Мало уяснять промысловую жизнь статистическим методом, надо выявить синтетические черты каждого промысла со всей облегающей их поэзией. Отсюда и будет исходить струя, питающая

готовые задатки „характеров“, задатки дремлющие и не развитые. Отсюда будет расти воля к колонизации, тот беззаветный напор к освоению необжитых земель, который с'играет крупную экономическую роль в нашем возрождении.

„Из под смеха люди бывают“ говорит пословица. Мечтатели и природники, неприкаянные в своих обжитых укладах, могут явиться доподлинными героями малых колонизаторских начинаний.

Важно, чтобы мы окружили их общественным вниманием, осмыслили и украсили и в своих и в их глазах их важную общественную роль в условиях данного времени.

Немалую роль педагогические влияния могут с'играть и в настроениях нашей городской молодежи.

Пишущему эти строки неоднократно приходилось выступать в городских аудиториях Севера с призывом: „идти в леса“. Одиноким призывы такого сорта рассматриваются как некое чудачество. Но такой призыв может вырасти в общественный лозунг.

Ибо одностороннее использование наших лесов есть наиболее слабое место нашей экономики.

В наши леса надо нести механику и химию современности. Однако носители этих научных познаний по старой традиции охотнее скучают в канцеляриях и чертежных, нежели вырываются на лоно природы. Эту старую традицию надо изжить.

Когда-то до революции, профессор Жаков рисовал Архангельского гимназиста, как скучающего субъекта на бульваре с папироской в зубах. Может быть четверть или половина этой молодежи имела в своих характерах задатки мечтателя, или природника, но не нашла благоприятной струи для их оживления.

А литература путешествий, открытий? А выявление характеров знаменитых исследователей полярного Севера, мореплавателей, судостроителей? Много ли у нас в обращении этой освежающей литературы, способной окрылить юного северянина и выбросить его из гнета размеренной обыденщины?

В одном из прошлогодних фельетонов в „Правде“ А. Гастев писал, что мы в наших условиях возрождения подходим вплотную к ставке на „характеры“.

Для нашего крайнего Севера нужны характеры, окрыленные в особом местном уклоне.

Закаленность к стихиям, суровая преданность морю и лесу, умение мириться с климатом и расстояниями, все это может быть возведено в своеобразную доблесть северянина-колонизатора.

Разумеется, все это должно вырасти непринужденно и искренно, как некая волна и осознанных и прочувствованных стремлений.

Я ограничиваюсь пока этим, может быть через-чур беглыми замечаниями.

Поставить этот вопрос для обсуждения мне представляется вполне своевременным. Чтобы его начать продвигать, надо поискать сочувствующих его постановке краеведчиков.

Воспоминания.

Хочется сказать несколько хороших слов о самоедах на Новой Земле. Впервые я познакомился с ними в 1905 году. Жил тогда до 2-го рейса. Пароход запоздал. Думалось, забыли нас, думалось, что после разгона 1-ой Государственной Думы—там внизу—революция и за общим шумом, где тут о всех упомянуть. И ждал, что придется зимовать без запасов. Самоеды, видя ожидание и тоску по родным и близким, оставленным там внизу, как-то ближе подошли, доверчивее. В это-то хорошее время ожиданий, боязни и надежд самоеды обрисовались новыми, не теми пьяными, грязными и полудикими, какими обычно были видны при приходе парохода и какими видны на первый невнимательный взгляд. Когда пароход пришел и с борта к нам в лодку кинули, что „все благополучно“, хотелось крикнуть:

— „Так на что вы нужны, могли и не приходить“.

Жаль стало от искренних, простых (человеческих) отношений уезжать в культурный мир.

Пришел пароход. Самоеды замкнулись и кажутся неслышащими и не понимающими. А до парохода, выпив вино, часть их уходила на промыслы. Оставались старики с ребятами. Как-то приходит старик ** поговорил о том, о сем, попил чаю и спрашивает:

— „Сказы художник“, ты знас, посему у тех людей, сто приезжают две правды, а у нас одна?“

Пробую не понять: „Как две правды, тоже одна“.

„Нет, сто ты, у них и хоросо бывает не хоросим и нехоросо хоросим, а нас нехоросо—нехоросо, хоросо—хоросо“.

Много говорили и в том ли году, или 1907 году, когда снова жил до осеннего рейса. Рассказали мне сказки. Две из них, как мне кажется, обрисовывающих

самоедов, я запомнил. Записал их не дословно. В себе хранил как дорогой подарок. Теперь уже много лет прошло, можно и рассказать и передать как тогда записал. Больше мне нравится мечта о счастливом крае, где нет злобы, вражды, где только любят.

Самоед сказал:

„Если пройдешь льды, идя все к северу, и перескочишь через стены ветров кружащих, то попадешь к людям, которые только любят и не знают ни вражды и ни злобы. Но у тех людей по одной ноге и каждый отдельно они не могут двигаться, но они любят и ходят обнявшись, любя. Когда они обнимутся, то могут ходить и бегать, а если они перестают любить, сейчас же перестают обниматься и умирают. А когда они любят, они могут творить чудеса. Если надо за зверем гнаться или спастись от злого духа, те люди рисуют на снегу сани и оленя, садятся и едут так быстро, что ветер восточный догнать не может“.

Вторая сказка:

„Герой сказки нашел в лесу могильный сруб, четыре бревна невысоких, вбитых в землю и околоченных досками, как ящик. Около—сани с возом, опрокинутые и олени в упряжи. Оглянулся герой, нет никого, стал звать:

„Есть ли здесь кто-либо?

Голос из могилы откликнулся:

„Здесь я, девка, похоронена“.

„Зачем же ты похоронена“?

„Да я мертвая“.

„Как ты узнала, или кто тебе сказал, что ты мертвая“?

„Я всю жизнь была мертвой, у меня не было души, но я об этом не знала и жила, как и все живые, а когда была невестой и сидела с женихом и родными у костра накануне свадьбы, из костра выскочил уголь и упал на меня. Я и родные мои и жених узнали, что я мертвая, что у меня нет души, а только видимость одна и все, что мое, только видимость одна. Меня и похоронили и со мной все, что было мое“.

Герой сказал:

„Хочешь я сломаю могилу и ты будешь жить“.

„Нет, у меня нет души, мне нечем жить“.

„Я дам половину моей души и ты будешь моей женой“!

Девка согласилась. Герой сказки сломал могильный сруб, освободил девку и увез с собой.

Во второй приезд меня встретили очень ласково. Старик ** говорил:

Знаес, не только сердце обрадовалось, глазам то радостно, сто ты приехал.

И много еще ласковых слов говорил. Другие тоже. Подарили топки (полу-пимы).

Я спросил, за что же?

„За то, сто ты не винопродавец.

Раз летней ночью, встретил самоеда, сидел он на берегу и пел что-то на своем языке. Подсел к нему, слушал его песню.

Было как раз полночь.

Солнце уже над водой стояло, просвечивало сквозь травки, сквозь густо яркие новоземельские цветочки.

Казалось, песня не нарушает величия тишины, а дополняет.

Посидели. Солнце заметно стало подыматься.

Скоро день.

Я спросил самоеда:

„О чем поешь“.

Так, сто думаю, о том пою'.

„Скажи, о чем ты думаешь“.

И он сказал мне свою песню:

„Вышел я ночью на гору
Смотрю на солнце и на море,
А солнце смотрит на море и на меня,
И хорошо нам втроем—
Солнцу, морю и мне“.

А. С. Лобанов.

Путешествие на Пешу.

На Пешу ездят только по зимней дороге. Путь дальний через лайды, тундры, озера. Собираются, как в путешествие. Ждут, когда замерзнут опасные непроходимые места.

По первой дороге из Мезени обычно нанимаются везти до Семжи—40 верст. Сразу же начинаются тундренные места. В плохие годы роняют коней на озерах, просегают в няшах, лайдах, болотах. Теперь дорога, как карта, нарочно никуда не запихаешься. Снегу еще нанесло мало—грубо, колотовато. Однако кони не все идут сгупью, подбегивают. Ветру парко. Снег сверху несет, снизу передует. На буграх дымится, еру всю чисто забило.

В Семже живут лоцмана, которые заводят пароходы с моря в реку. Раньше семжана свои суда имели и ходили в Норвегу. Жили дородно, торговали соленой рыбой. Теперь нет судов—только одно стоит у деревни на сухом берегу, куда занесло его на большой воде. В позапрошлом году жили очень плохо, друг у друга милостыню просили. Потом стало лучше. В прошлом году семжана кита добыли. На большой воде кита занесло в губу, потом он обсох на кошке. Кита убили и пароходом к берегу притянули. На сухой воде стали снимать сало. Резали как попало, один перед другим, все сало чисто в няше вывалили. Повезли продавать в Мезень. В это время пароходские у кита усы обрезают. Потом кто попало стал мясо резать. Мозг из головы в грязь пролили. Так много и не попользовались. Потом кит пропах, и утащили его пароходом в море.

За Семжей тундра до Неси—60 верст. Летом ездят берегом, зимой через тундру. От Неси на 14 верст есть выселок Мгла, а от Мглы до Семжи на 46 верст нет жилья. Была построена на полдороге изба, но ее сожгли проезжие. Теперь около этого места кормят коней на холоду.

Во Мгле народ ушел на промыслы—ловить наваг. Промысел еще только начался. В каждом доме показывают кормяжек—лисиц и песцей. Сидят они в курятниках или в ящиках, завалялись все, хороших мало. Жадные особенно песцы. Пока есть дают, все прячут, потом едят. У новых кормяжек по 9 есть. Когда шерсть вырастет, задавят и продадут.

В Неси только и разговору, что о навагах. Третьего дня реку делили. Все принялись за лов. На уды попадает хорошо, в рюжи худо. Хорошие промышленники наловили разве на уху. На Канин—в Чешу, Ямжу и др. реки многие ушли, но и оттуда добрых вестей нет. Отбило навагу ветрами. Приходится ждать.

Несский кооператив готовится к сбору долгов—много роздано под промыслы. Устанавливают цены. Разведывают про конкурентов. Во главе кооператива бывший торговец Коткин. В прошлом году избрали его в кооператив, потому что не нашли подходящих людей. В уезде покосились на такие выборы, но примирились: лучше иметь дело с жуликом, чем дураком.

По всей Несской волости еще не сбирался сельскохозяй. налог. Вслед за нами ожидалась экспедиция по сбору налога. За экспедицией ехало воронье - торговцы и разные агенты с облигациями. Всех задержала погода. Метель поднялась тундренная, около дому бани не видно. Когда начинается погода, в Неси говорят: „льзя быть омяна едут“ На этот раз пословица оправдалась. Из Омы приехало пять подвод за хлебом

Скота в Неси псмного держать не могут, потому что нет хорошего сенокосу. Косят на лайдах, куда заливается морская вода. С сенами каждый будущий год позорятся. Кони до брюха просегают, сами в грязи уходятся. Зароды ставят на подпорках, чтобы не замочило водой.

Под конец зимы уходят бить морского зверя. Пристают к льдинам и плавают по морю. Иногда уезжают на Терский берег. На карбасах.

Дальше к Пеше отправились, едва затихла буря. Везли омяна. Их вчерашние следы замело совершенно. Как только выехали из Неси, началась тундра—бугры и еры во все стороны. Дорогу указывали прошлогодние

вехи. Стоит потерять их и можно дивно поездить, везде дорога по мерзлой тундре. Омяне дороги не знали—знали дорогу кони. В бури и метели они гонят дорогу безошибочно.

Выселок Толстый Нос находится на 30 верст от Неси. Здесь всего один дом, построенный около небольшой речки. Зимой здесь постоянные проезжающие. Стоим часа 4, пока выкармливают коней. Разговаривают про оленье стадо, на которое напало 18 волков. Все стадо разогнали. Оленей 15 встретилось нам по дороге.

Вижас еще верст на 35 от Толстого Носу. Это уже небольшая деревенька, стоит около реки. Вдоль реки на версту в обе стороны лесной остров, дальше тундра. Живут нынешний год плохо. Зашли в одну хату—прямо таки очень плохо. Стекла растрескались, выбиты, затыканы тряпками, от окон везет холодом. Печь расщелялась. Когда натопят, то уходят из дому—иначе угоришь до смерти. Голодали с Успеньева дня до зимней дороги. Мать по миру ходит—в одной избе кусок выпросит, в другой с'ест, ребята дома сидят, слюни перелгатывают, реветь не смеют. В богатом доме лучше, хотя тоже голодали. Хозяин имеет своих оленей и держит пастуха самоедина. Самоедин с'янда (перекочевал) куда то далеко, а то можно бы нанять оленей. Вечером картина: обурдают за ужином—режут ножами сырое мерзлое мясо и едят—старик-дедушка, мать и ребята.

До Омы от Вижаса 30 верст. Едем ночью тундрой. Играют сполохи, снег искрится, на небе луна. Полярная звезда высоко.

От Омы до Пеши верст 80. Еще никто не проезжал. Нанимаю оленей. Четырех быков запрягают в санки, садимся вдвоем с вожатым и отправляемся. Олени несут быстро, особенно по озерам, на буграх ужасно трясет. Сидеть неудобно на одном боку.

Делаем остановку в Снопе на полдороге. В выселке всего три дома. Греемся. Хозяева показывают кормяжек и просят их обценить.

Отправляемся на Пешу. Темнеет. В тундре жутко—сумерки, кругом мерзлая равнина, с миром соединяет только след саней. Вожатый правит куда то. Бегут олени по озерам, по буграм, прыгают через кусты еры.

Переезжаем речку Грабежную, которая отделяет Канинскую тундру от Тиманской. Пустынное, безотрадное место. Останься здесь от оленей — до жилья пожалуй не дойти.

Приближаемся к Пеше. Заезжаем в самоедский чум. Самоедин бедный—шесть едоков и восемь оленей. Чум рванный. Холодно в нем и дымно. Около огня сидят все в малицах и обурдают —ребятишки гложут какие то кости. Тут же у костра две белые собаки. Самоедка пьет чай. Одна собака ей нос в чашку тычет, другая хвост в чаю окупала. Самоедка ругается. Меняют оленей. Едем к деревне по реке.

Правление Пешского кооператива и приказчик живут вместе в одной комнате, которая также служит и конторой. Семейства у них в других деревнях—верст за 20. Работают дружно. Весь день посвящают занятиям в кооперативе.

Нынешний год на Пеше плохой. Сгноили сено, теперь приходится сбавлять скота. Коров здесь держат по многу, но толку особенного нет. Не умеют водиться со скотом, и место тундренное, неудобное. Всю зиму коров гонят на прорубь на водопой. В мороз другая корова только до проруби дойдет, обратно бежит, титки обмораживает. Летом коровы до того от комаров измаются, что места найти не могут. Весной всегда кормов не хватает. Только осенью живут коровы дородно. Доят пешские коровы очень мало, а нынешний год у многих и совсем засохли. Вся польза от такого скота—мясо и шкура. Скот мелкий—нет хороших быков и достать неоткуда. Травы на наволоках год от году хуже. Косят рано, добрая трава семян не успевает давать.

Наваг нынче совсем мало. В рюжи попадет десяток другой браку, на уду наловят себе на еду. Мало у кого накопится воз. По всему поречью нет наваг. Только на Индиге, рассказывают, хороший улов. Навага там крупная, брак тут же у ердани бросают. На льду бугры из наваг делаются. Но Индига далеко, и попажа на оленях трудная.

Псецей и лисиц понемногу добывают. У хороших промышленников кулей по сту и больше насторожено. Лисиц в сторожках караулят: в бугре сделана яма и сруб, все землей укрыто, одно окошко наружу, ход в сторожку сделан под землей сажен на 10 и более. Ночами лисиц караулят, когда они приходят на приваду.

В Пешском кооперативе товаров много. Цены против старых дорогими кажутся, но у приезжих торговцев, пожалуй еще дороже. Весной построили свой склад и лавку. В кооперативе мяса пудов 300 набрано, скотские кожи, оленьи постели, пыжи, неблюи, белка, крупные звери. Под шелегу посуды нет, а то бы можно много напринимать. Есть свои сани и оленья упряжь для перевозки грузов в Мезень.

На общем собрании восстановили прежние паи. Вносили их в 22 году мясом, маслом, кожами. Постановили открыть при Обществе Кредитный Отдел. В ссудах нуждаются многие. Есть желание купить сенокосилки и конные грабли, у охотников нет подходящих ружей, у рыбаков заводу не стало.

В обратный путь отправляемся целым арьюшем—четверы санки с ханбуями, на ханбуях товар. В чуме у ижемцев чай пили пока мултали оленей. Чум теплый, просторный—деревянный пол, вокруг подушки и шкуры, посредине огонь. Ижемка напекла тяпушек из оленьей крови. Для еды—маленькие столики.

До Неси ехали трое суток. От Омы наняли лошадей. По дороге застала теплая погода. Ветра парко, сверху касть, снизу снег передувает. Озера и речки разопрели.

С навагой в Неси беда. Никто не принимает, лежит рыба в возах и амбарах неподвижно, чтобы не испортилась. Промышленники весь завод сгубили. Воды напали шальные, рюжи примерзают, в воде рупаки.

В Несском кооперативе принято 800 пудов наваги. Архангельск давал пуд хлеба в Мезени, на месте пришлось принимать пуд десять, и провоз до Мезени стоит еще восемь фунтов. Губсоюзом недовольны. А из Губсоюза идут телеграммы—интересуются пушниной. Из Мезени уполномоченный В. приезжал и забрал всех зверей—штук 5, поставил убыточную цену. За пушниной в Несь наехало торговцев столько, что чуть не в каждом доме лавка.

Уполномоченный Мезенской конторы Осипов ждет в Неси канинских самоедов. В тундру от него уехал агент для сбора пушныны. В тундре агент попал вместе с двумя своими конкурентами на самоедскую сходку. И там на Канине из за пушныны конкуренция страшная. Жилинский увез летом 300 зверей и надавал в долг каждому.

Приехали первые каничане и с ними агент. Привезли три мешка пушнины. Самоеды в нарядных расписных пимах, в длинных рубахах. Пьют чай стаканов по 15, масло едят с хлебом и без хлеба. В тундре, говорят, как обурдать начнут, оленя как не бывало. На сходе у старшины с'обурдали 5 оленей.

С Канина вести невеселые. У самоедов телята погибли от морозов. Волков развелось много, ходят стадами. У знакомого самоедина отбили от стада 100 оленей, разогнали и зарвали. От кулем приходится отступаться. Росомаха пакостит, перепортила всех псецей.

Агент привез пушнину, почти все псецей. Много халавых, недопесков, синяков. Все грязные, в крови, несушеные, жирные. С псецами началась работа. Стали пялить, сушить, стегать, рассекать кровь. Готовые висели чистенькие, белее снега. В комнате повсюду пушистые хвосты.

В Несском кооперативе при ревизии обнаружились непорядки. Председатель бывший торговец, настоящий деревенский кулак. В кооперативе работал и от себя торговал. Жалованья себе за 8 месяцев выбрал 600 рублей золотом и товары ставил по закупной цене.

На собрании много шумели и председателя отстранили от должности. Решили взыскать неправильно перебранное жалованье. Место заступил кандидат.

Обсудив вопрос об открытии Кредитного Отдела, постановили—открыть и просить ссуду у Сельско-Хоз. Банка в 1 000 руб. золотом. В Банке решили купить паев на 100 рублей. Правлению разрешили кредитоваться в Банке на сумму в 3.000 руб.

Член УИК Орлов созвал самоедскую сходку. Собралось самоедов человек 40, в том числе почти все богатые оленеводы. Много говорили об ижемцах и о том, чтобы их из тундры выселить. По предложению Мезенской Конторы Губсоюза согласились открыть свой кооператив—самоедскую лавку.

Когда ехали в обратный путь к Мезени, дорога была хорошая. Встретили по дороге лошадей 70. Дорогой ехал народ за навагой: кимжана, мезенские мещане.

А. А. Евдокимов.

По реке Пинеге.

(Из летних экскурсий краеведчика).

I.

Истоки реки Пинеги находятся в Северо-Двинской губ. Как рассказывали паромщики-лесорубы, начинается река двумя ручьями-речками Белой и Черной, кои сливаются в Пинежку, а после слияния с Выей образуется река Пинега.

Длина Пинеги до Устья примерно равна 600 верстам и на этом протяжении реки живет грубо приближенно от 40 до 50.000 населения. Не густо.

Однако Д. И. Деларов, вологодский экономист-краеведчик считает Пинежский район одним из наиболее перенаселенных сельско-хозяйственных районов Европы. (Журнал „Север“, книга 1-я 1924 г.).

В парадоксальных с первого взгляда утверждениях Д. И. Деларова несомненно есть зерно истины. Культурных земель по р. Пинеге очень мало и аграрное перенаселение здесь на лицо.

Однако, я полагаю, что выводы Д. И. Деларова все же нуждаются в поправочке, для уточнения нашего познания отдельных районов Севера.

Культурные земли Крайнего Севера! А кто и когда их измерял? Полагаю, что даже приблизительных цифр никто на этот предмет не имеет.

Необходимо принять во внимание следующее. Ни один приток Пинеги не заселен. Покшеньга, Юла, Ежуга и мн. др. реки составляют уголья тех же Пинежских крестьян, которые имеют сенокосы даже за 200 верст от своего жительства. В пустынном междуречьи Пинежане встречаются с одной стороны с Двинянами, с другой с Мезенцами—встречаются на сенокосах, на охоте, на рыбной ловле. Парные по названиям реки (две Покшеньги—Пинежская и Двинская, две Ежуги—Пинежская и Мезенская) устанавливают скелет древних сообщений двух бассейнов, уцелевший до сего времени.

Все же за этой оговоркой приходится признать правильной суть положения Д. И. Деларова и применительно к Пинежскому району.

Аграрное перенаселение здесь на лицо, культурных земель недостаточно и поездки за сеном на двести верст не рентабельны для хозяина трудолюбца.

Необходимо расселение в междуречье, к чему имеется и тяга, но этой тяге надо помочь кредитом и некоторыми льготами.

Необходимо помочь также выдачей ссуд на улучшение лугов, посев трав и мелиоративные работы, к чему также тяга у населения значительна, и в этом направлении сельско-хозяйственная мысль земледельца начала шибко работать.

Можно сказать, что три четверти Пинежского населения подготовлены мыслью и жизнью к настойчивой внутренней колонизации. Дайте небольшой попугный ветер из государственных и кооперативных мероприятий и этот район начнет выбиваться из нужды к достатку, а через пять лет его уже не узнаешь.

Ибо природа здесь хотя и суровая, хотя здесь короткое лето и угроза от ранних заморозков, но все же приспособиться можно, ведя уклон к травам, картофелю и корнеплодам.

Почвы местами плодородны, урожаи ячменя бывают до 200 пуд. на десятину хорошо обработанной площади.

И конечно базой сельского хозяйства будет животноводство, молочное хозяйство.

II.

Весь район реки Пинеги мы склонны разделить с целью уяснения его экономики на три части.

От Усть-Пинеги до Соялы, т. е. Юрольской волости — небольшой по населению подрайон, где основа хозяйственной жизни лесные заработки. Лесные работы занимают здесь население почти круглый год и сельское хозяйство является лишь подспорьем. К этому небольшому подрайону применимо то представление об Архангельской экономике, которое в некоторых кругах было до сего времени трафаретным.

Действительно в этих немногих селениях как две Паленги и другие — крестьянин-полурабочий. Характерно,

что здесь наряду с лесорубочными артелями возникают по инициативе самого населения потребительские кооперативы. Население имеет фонд заработной платы, каковой и желает рационально израсходовать. К тому же этот район близок к Архангельску и при бойком паромном движении может стать почти подгородним для Архангельска.

Среднее течение Пинеги от Соялы до Верколы—довольно населенный район—свыше 20-ти тысяч населения—определенно стоит под знаком животноводческой колонизации 1-й очереди.

Как раз в середине этого подрайона в 1923 году открыт в деревне Веегорах первый маслодельный завод, при Михайловском Потребительном Обществе.

Этот небольшой заводик, благополучно переживший самый трудный первый год своей жизни, пока еще коммерчески ничтожный (120 пд. масла за год), тем не менее уже с'играл для всего указанного района значительную педагогическую роль.

Ледок пробит.

От Соялы до Верколы кооперативное маслоделие и сыроварение стало притягательным мероприятием для широких масс населения.

Действительно широких масс. Ибо в Веегорах женщины-хозяйки устраивают субботники для бесплатных работ по благоустройству своего завода.

Если деревенские женщины-хозяйки станут коллективным шефом какогонибудь нового мероприятия, то судьба его обеспечена.

И потому мы не боимся за судьбу тех 4-х маслодельных заводов, которые возникают в этом районе в данный момент (июнь 1924 г.) Почва для них взрыхлена.

И по Веегорскому опыту видно, что вслед за устройством заводов подведен будет фундамент под очередные агрикультурные и зоотехнические мероприятия.

В Веегорах весной этого года провели опыт по кормлению скота по датским кормам в 8 хозяйствах деревни и результат получился весьма показательный. У одного крестьянина удои коровы удвоились.

Жмыхи имели успех и некоторый спрос на них обеспечен.

Здесь же спрос на семена вики по сравнению с прошлым годом увеличился в 10 раз.

„О вике у нас уже не спорят“—говорит техник маслоделия П. А. Табанин.

В прошлом году он писал мне слегка надрывные письма о трудностях работы, а теперь плавает по всей средней Пинеге, как рыба в воде.

Признали маслоделие, признали техника, признали вику, датские нормы.

В Пиримени все сохи заменили плугами местного изделия. В Шеймогорах занялись мелиоративными работами, ищут возможностей применить подрывной способ к выворачиванию 20-ти вершковых пней.

Третий подрайон Пинеги от Верколы до истоков, если не ошибаюсь 5 волостей и наших и Северо-Двинских—самый суровый, захолустный, заколоченный.

Здесь земледелие на второй очереди и прежде всего надо подойти к наиболее полному использованию леса. Три указанных подрайона в общем однако подчиняются одной формуле лишь с различными ударениями: лес, животноводство, охота.

III.

Май в этом году у нас на Крайнем Севере суровый, дождливый, ветрянный.

То и дело в воздухе мелькает снежная крупа и становится почти тоскливо от нетерпеливого желания настоящего тепла. Поистине нам на Севере нужно лучше устроить нашу жизнь, потеплее обжить нашу землю.

По берегам Пинеги дымятся костры. Это паромщики,—сплавщики леса прижались к берегам и пережидают непогоду.

Большинство паромов идет сейчас (конец мая) из верхних волостей Пинеги. Нюхча, Сулица, Гавриловская, Горьховская волости прежде всех спешат сплавить на Усть-Пинегу заготовленные для Северолеса пиловочник и капбалку.

Служащий Северолеса сказал мне, что лесорубы верхней Пинеги „молодцы“, заготовки выполнили большие, материал доставляют превосходный и раньше всех приплавляли на Усть-Пинегу, откуда лесоматериалы уже буксируются по Двине пароходами.

Однако сами „молодцы“ от своих лесных заработков далеко не в восторге.

„За всю зиму, — рассказывал один лесоруб, — при всем старании заработал я с лошастью около 100 рублей, и весь заработок пошел на хлеб для семьи, так как в прошлом году свои поля не уродили“.

Сплавают бревна по 30 коп. от дерева. Паром обслуживаемый двумя работниками или работником и работницей сплочен примерно из 250 — 300 бревен.

Работа по сплотке и сплаву парома может затянута, смотря по погоде, на месяц и более.

Такие заработки правильнее назвать „приработками“.

Сплавают лес „артелями“ в целях взаимопомощи на случай бурь и мелей. Артель состоит примерно из 19 паромов. Доплывают артельно до Усть - Пинеги. По договору имеют бесплатный проезд по Двине до Верхней Тоймы, а оттуда до верховьев Пинеги 130 верст пешком и уже не артельно, а по принципу „спасайся кто как может“.

Кроме бревна Пинежский лесоруб из дерева ничего не добывает; в этом самое слабое место нашего лесоиспользования. Береза, лиственница - совсем не используются.

В низовьях Пинеги строят баржи. Вверху и этого промысла нет.

IV.

В прошлом году на хлеб был неурожай. Но уродила „белка“. Цена на белку была подходящая. И это поправило дело. Белку обменяли на хлеб и этим вышли из трудного положения.

Основные статьи дохода населения Карпогорского района один из хозяйственников определил таким образом:

В урожайный год:

Сельское хозяйство дает	60%
Лесные заработки	25%
Охота	15%

В 1923-м году: Сельское хозяйство дало	30%
Лесные заработки	35%
Охота	35%

В зависимости от года:

Сельским хозяйством занимается ра- ботоспособного населения	90%
Лесными работами до	80%.
Охотой до	80%

Таким образом в зависимости от года население в подавляющем большинстве живет от земли, леса и охоты.

Определение промысловости населения в точных цифрах представляет весьма трудный вопрос.

Лесные заработки зависят всецело от той нагрузки, какую дают населению лесозаготовительные фирмы.

На Пинеге работают Северолес, Лесосмолсоюз, Дроворез и Губсоюз.

Некоторая часть инициативы населения может быть проявлена лишь при работах Лесосмолсоюза и Губсоюза.

Охотничий промысел расширяется и суживается в зависимости от урожая такого массового зверя — как белка.

Есть конечно и заправские охотники, которые из года в год охотятся за куницей, выдрой и др. более ценным зверьем, но таких немного—может быть 10% полных работников. Поэтому ответить на вопрос: сколько в Пинежском районе охотников—не так-то легко

При недороде хлеба, при малой нагрузке лесными работами и при урожае белки на охоту идет почти каждый полный работник.

Итак состав охотников - промысловцев в массе текущий.

Охотятся за лесным зверем, как правило—в одиночку, каждый за свой риск и страх.

Снабжение припасами и авансирование ими идет от тех фирм, кои скупают пушнину.

Моменты сбыта такого товара, как пушнина, неблагоприятны кооперированию.

Скольконибудь массовый товар, являет белка, но и та не поддается точному сортированию.

Шкурка куницы, выдры—каждая в своей цене

Отсюда, от всех этих условий трудности кооперирования охотничьего промысла

Каждое учреждение, имеющее дело с охотником является скупщиком его добычи и только.

И артели охотников и секции охотников при Потреб.Обществах до сего времени слабо организованы.

Наблюдения в Пинежском районе вообще дают повод сказать, что самостоятельная кооперативная организация охотников имеет мало шансов на скорое развитие.

Вообще, два основных промысла на Пинеге — лесные заготовки пиловочника и лесная охота пока что фундамента для кооперации не дают.

В Архангельске на этот счет напрасно успокаивают себя. Здесь, в некоторых кругах возлагают надежды на бытовую артель. Надо твердо осознать, что в рамках цивилизации данного времени бытовая артель кооперации не заменяет. Кооперация тогда осуществляется в деревенской обстановке, когда она приходит как система, состоящая из деревенских учреждений, объединенных в прочный местный союз.

Именно поэтому ставит ударение В. И. Ленин на строе цивилизованных кооперативов.

Бытовая артель неожиданно для нас может родить кулака-скупщика и ему подчиниться.

Не бытовая артель должна лечь в основу кооперирования, а товарищество западно-европейского типа.

Теперь у нас в ходу формула: нужно кооперировать и погребителя и производителя в деревне. Формула эта все еще повторяет мотивы спора разных систем кооперации, которые никак не могут утанцоваться после 1921 года.

Нам кажется жизненное такая формула: надо кооперировать значительную часть крестьянских хозяйств данной местности, исходя из перспективного плана местного хозяйства.

Москве, как центру огромной страны, свойственно уминать кооперацию по ведомствам: здесь молоко, тут охота, здесь лес и деготь. И пусть там будет специализация. Здесь на Пинеге один и тот и крестьянин, и пахарь, и охотник, и лесоруб.

Надо установить на чем именно он может создать крепкую кооперацию западно-европейского типа.

И эти мероприятия положить в основу.

Применительно к Пинеге мы полагаем, что ни артели лесорубов, работающие на Северолес, ни артели охотников, сдающие пушнину Госторгу — не являются кооперативами.

Даже Потребобщества Архгубсоюза — только на половину кооперативы.

Действительная кооперация оснуется в этом районе на кооперативном маслоделии и лесотехнических производствах. Через эту кооперацию войдет в жизнь Пинеганина новая техника и его хозяйство начнет выправляться из нужды к достатку.

Это и будет путь строй цивилизованных кооператоров. И на этом пути нам нужен в первую очередь: кредит и профтехническое образование.

В ближайшее время необходимо организовать в г. Пинеге курсы по маслоделию и сыроварению и учебно-показательный завод по добыванию терпентина, дегтя, сажи, эфирных масел и т. п.

V.

Кстати о цивилизации...

На Пинеге еще в полной сохранности явственные следы полнокровной, древнерусской культуры.

И местная, пересыпанная мудрыми пословицами, речь, и затейливая музыка песен, и утварь строгая и фигурная из красной меди, и зодчество—далеко известное за пределами края, и женские рукоделия и наряды, исполненные с таким великолепным дерзанием..

И в то же время полное отсутствие связей с цивилизацией века,—обветшала техника, рутинное производство.

В годы гражданской войны сюда заглянула цивилизация своим самым страшным и отвратительным лицом и до сих пор растреленные избы зияют брешами, и в голубых глазах детей не излечен пережитый испуг.

VI.

„След до звезд небесных пролагая,
Захватили смелые везде
Берега и острова. Но рая
Не нашли и не найдут нигде“.

Это сказал Шиллер об англичанах в начале 19-го века,
И не найдут... Если будут ходить с пушками и
удушливыми газами.

Б. В. Шергин.

СЕВЕРНЫЕ СКАЗКИ.

О рыбе Ерше и о рыбе Леще, как у них суд был за славное озеро Онего.

Зачинается, починается сказка долгая, повесть добрая.

Ходил Ершишко с малыми робятишками по быстрым рекам, по глубоким водам. Прожился Ерш — проскудался. Ни послать у Ерша, ни окутаться и в рот положить нечего. Приволокся Ерш во славное озеро Онего. Володеет озером Онегом рыба Лещь со своим родом-племенем. Тут Лещова отчина и дедина.

Закланелось Ершишко рыбы Лещу. Он хвостом вертит, языком сластит, челом бьет, затылком в пол колотит:

— Ой еси, сударь, рыба Лещь! Пусти меня, странного человека, на подворье! Укрой меня с малыми робятишками от темные ночи!

Пустил Ерша Лещь одну ночь обночевать.

А Ерш и ночь ночевал, и две ночевал.

И год жил, и два жил!

И наплодилось во славном озери Онежском ершов вдвое, втрое супротив лещов.

А рыба ерш ростом мала, да щетина у ей, как лютые рогатины.

Почали ерши по озеру похаживати.

Почали лещей под ребра подкалывати.

Да те Ершovy дочери, курвы, со своим барабан нагуляют, а на лещей сказывают. В суд леща потянут. Просят с него на родины, и на хоронины. А приди лещь к ершу в гости и ерш леща за стол не посадит, с дочерью спать не повалит.

С той то подеи заводилася во славном озери Онеги бой драка великая. Бились дрались от Петрова до Покрова. И по той Лещовой таланести взяли лещи Ерша лихого человека в полон. Связали и на суд привели.

Судья рыба Сон сидит нога на ногу.

Сидит криво, да судит право.

Возговорит истец рыба Лещь:

— Ой, еси судья, рыба Сон! Володею я славным озером Онегом со своим родом племенем. Тут моя отчина, тут моя дедина. Есть у меня на озеро Онего книги и грамоты и судные памяти.

Откуль взялся в озери Онеги рыба Ершишко со своим робятишками не ждан, не зван. Выпросился у меня, доброго человека Леща, на подворье затти обогреться. И я его за его сиротство, ради малых ребят пустил одну ночь обночевать.

А он, пес, и ночь ночевал и две ночевал. И год жил, и два жил. И не стало в озери Онеги столько нас лещов, сколько стало ершов. А худа рыба ершишко ростом мала да щетины у ей аки лютые рогатины.

Почали ерши по озеру похаживати.

Почали лещей под ребра подкалывати.

Да та худа рыба ерши лещовых наших девок имают, сарафаны дерут, худым словом окладывают. А Ершовы дочери курвы! Своих ершов машут, а, сбылась которая с барабаном и она рассказывает на леща. В суд леща тянет.

Грабит с леща на родины, и на именины, и на хоронины!

С той то подеи заводилася у нас во славном озери Онеги бой драка немилослива. Бились дрались от Петрова до Покрова. Тиху воду с желтым песком сомutilи. И, родительскими молитвами взяли мы этого Ерша в полон и к тебе судьи привели.

Сидите вы судьи на кривде, рассуди ноне по правде!

Возговорит судья рыба Сон:

— Каки у тя, у Леща, есть свидетели?

— Есть у меня свидетели рыба Семга да рыба Сиг. А живут во славном озере Ладожском.

Спрашивает судья ответчика Ерша:

— Ты Ерш шлессе ли на таковых Лещевых свидетелей.

И Ерш отвечает:

— Слаться нам на таковых самосильных людей не мочно! Рыба Семга да рыба Сиг — люди богатые, а Лещ человек заводной. Едят и пьют вместе. Хотят оны нас малых людей изгубить!

Возговорит судья рыба Сон:

— Още кому про тебя Леща ведомо и про славное озеро Онего?

— А още шлюсе я на Шуку рыбу да на батюшка Налима. То люди добрые. А живут во матушки Невы реки под славным городом Питером.

Спрашивил судья:

— Ты Ерш шлессе ли на таковых Лещовых свидетелей?

И Ерш в уме водит: Рыба Налим... У его глаза малы, губы толсты, грамоте не умеет, перед чиновниками говорить не посмеет. Шука рыба, она пестра, зубом востра—вся в меня Ерша. Та меня не выдаст.

И Ерш рассказывает:

— Батюшко Налим да чесна вдова Шшука-то обшая правда! На тех шлюсе.

Посылат судья рыба Сон Ельца-стрельца, Окуня-пристава, понятого-Сундака по честну вдову Шуку, по батюшка Налима.

Побежали Елец-стрелец, Окунь—пристав, понятой-Сундак из Онега-озера на Ладогу. С Ладоги во матушку Неву реку.

Стали щупать—нашли Шуку.

Почали батюшка Налима искать.

День искали и два искали. Не пили, не ели и спать не валились. На третьи суточки под славным островом Васильевским увидели колодину. Колодину отворотили, под колодиной батюшко Налим сидит. Елец-стрелец, Окунь-пристав, Сундак-понятой ударили челом батюш-ку Налиму.

Здравствуешь, сударь, батюшко Налим! Зовет тебя судья рыба Сон на посредство!

— О, робята! Я человек старой, у мян брюхо большо итти тяжело; язык толстой, непромятой, речь не умильна... Нате вам по гривенки. Не иду на суд!

Привели на суд Шуку.

Суд завелся.

Судья рыба Сон сгромел на Ерша:

— Сказывай Ерш при свидетелях, каки у тя на неское озеро вотчины грамоты и судные памети!

Сказыват ответчик Ерш судьи:

— Допрежь была у меня, доброго человека, Ерша в Онеги озери избышка, в избышки были сенишка, в

сенишках была клетишка. В клетишки было сундучишко под замчишком. В том сундучишки были у меня, доброго человека, книги и грамоты и судные записи на озеро Онего. А когда, божьим попущеньем, грех ради наших, наше славное озеро Онего погорело, дак и избишка с сенишками, и клетишка и сундучишко с гумагами все пригорело. Ничего вытащить не могли!

И в та поры Шуку рыбу, и Леща и всех добрых людей, которые рыбы из озера Онега, горе взяло:

— Ах ты худа рыба Ерш! Подстёга ты, подтыкало! Банно ты поддавало! Обуты твои глаза! Наше славное батюшко Онего навеку не гарывало! А у тебя, у бродяги, век избы не бывало!

А Ерша стыд не имеет. Он соржал не похорошему, а судьи сказываат:

— Да и не то одно пригорело! Был у моего татушки дворец на семи верстах, на семи столбах. Под палатами ковры, на полатех бобры. И то все сгорело!

Чесна вдова Шука не стерпела:

— Ах ты свистуля! Нища ты коробка, кисла ты шерсы! На овчины ты сидишь, про соболи сказываешь!

Трицеть ты лет померу ходил, куски просил. А кто тебя знает, да ведает, тот без хлеба обедает!

Останица у какой голи кабацкой от пропою полушка, дак на эту полушку вас ершей сотню купят! А и уху сварят—столько не наедят, сколько расплюют. А Онего озеро век было Лещово, а не Ершово!

И Ерш Шуки говорит:

— Думал я ты чесна вдова Шука, а ты—сука!

А ты, осподин Судья, борода у тебя как ворота, а ума с прикалиток нет! Судил ты день до вечера, а в люди вынести нечего! И я на твои суды плюю и сморкаю!

Плюнул Ерш в глаза всей честной братии, хвостом плеснул да только его и видели!

Пошел Ершишко с малыма робятишками по быстрым рекам, по глубоким водам. Из Онега-озера на Бело-озеро. Из Бела-озера во матушку Волгу реку. Прожился Ершишко, проскудался.

Река Волга широка и долга. Стоит в Волги реки рыба Осетр. Тут Осетрова отчина и дедина.

Закланелся Ершишко, закланелся трепачишко рыбы Осетру, челом бьет, затылком в пол колотит.

— Ой еси, благодетель, рыба Осетр! Укрой меня с малыми робятишками от темные ночи! Пусти в Волгу реку!

А рыба Осетр хитра-мудра. Она знает Ерша:

— Не пушшу!

Ино Ерш говорит:

— Да я тебя, дурака, изведу! Молись Богу, пока жив!

Почали Ерши Волгу матушку со дна воротить. Со желтым песком воду мутить. Волга матушка zvolновалась, со желтым песком вода смешалась.

Стали люди поговаривати:

— Вон сколько рыбы поднелось, а баели нету ей!

Стали невод шить. Невод сошили, стали рыбу промышлять.

А худа рыба Ерш пуще прежнего воду мутит. Она суеуще по Волги реки как бешена собака, путь потеряв.

Он хоче Осетра изгубить:

— Рыба Осетр хитра-мудра, да вода мутна. Он к обедни подёт—невода не минует.

А рыба Осетр хитра-мудра. Она видит вода мутна, дак дома сидит и до ветру не ходит.

Ето Ершу хуже ножа. Он мимо Осетровых палат свишшот, рад оконницы выстегать:

— Ей, арестантина! Кой кур в подполье загнелась! Мутной ты воды боиссе? Выходи биться! Я тебе рожу ту на спину заворочу!!! Только счас домой схожу, пообедаю!

Он обедать пошел, да и угадал в невод!

Пошли Ершovy телеса в медной котел,

Ершова душа в вечную муку.

Простите его отцы и братие,

Гоминайте его грешную душу!

Уху сварили,

Хлебать сели

Не столько с'ели

Сколько расплевали.

А хоть рыба кослива,

Да уха хороша!

Эта сказка представляет собою северный вариант пресловуто „Повести об Ерше Щетинникове“.

Архангельская присказка.

Запись Б. Шергина. Архангельск.

Едет дядя на кони
В синем зипуни,
Шапка рыжа,
Борода каракулева.
Кобылка леденна,
Плеть горохова.
Не сегодня сказано:
Хоть в нитку тенись,
Да за модой гонись.
Товару—короб лоскутья
Да две ложки серебряных.
Вот стоит дом
Глазами на лето,
Дверями в воду,
Неоткуль нет ходу!
В дому жонка Манька сидит.
Из окна рожу продават
И крычит:
“Кум, приворачивай на спутье!”
А дядя этот думат:
„Кинь лоскутье.“
Он лоскутье на дорогу и вывалил.
Едет дале,
Дорога тряска,
Корзина порозна;
Ложки—те и забренчали.
Он думат: задрались.
И ложки выкинул:
— У меня, говорит, раз, два,
Третьего не дожидайсе!
Едет дале.
На росстани господа онежана сидят.
Уху варят.
Онежана—они хлебосольны.
— Ей, кричат,
Приворачивай ухи хлебать!
Ну, кому жонки нарядной,
А ему—ухи наварной.
Поел трески с тоски,

С горя палтасинки,
Отдохнуть привалился:
— После обеда слуга отдыхает,
А наше дело хозяйско!
А конька то леденного к костру поставил.
А он стоял, стоял да и ростаял,
А этот дядя не унывает,
Он на бога уповаает.
У меня, говорит, ише есь горохова плеть.
Пока говорил,
Плеть ту вороны и склевали.
Летят да крычат:
— Синь кафтан да хорош!
— Синь кафтан да хорош!
А дядя думат:
— Скинь кафтан да положь.
Он снял,
Положил под кокору,
Да и теперь не знат под котору.

Архангельская старика.

Запись Б. Шергина. Архангельск 1921 г.

А не ясен то сокол да вылетает,
А и не белая лебедь выплывает,
Из за моря карабь выбегает.
Как на том карабли сидит муха
А всехвальная воспевуха.
Она едет по синему морю
А во преславные град во Европу.
У осударыни у мухи матросы
Ише все комары долгоносы.
А тут сине то море всколыбалось,
А и сыра та земля застонала.
А и буйны ветры стали дути,
А и стала мать муха тонут.
Завопила она истошным гласом
А и муха та пред смертным часом:
— Ох, увы, увы, бедно погибаю,
Малых деточек сиротать оставляю!
А забегали удалы матросы
Иша те-же комары долгоносы.

А одны кричат — карбас спускайте!
А други кричат — баграми хватайте!
Они муху тащити начали,
За цветно платье баграми имали.
А пока эта помешня велася,
А и муха та пота залилася.
Она легкой смертушки далася.
И утопшу рабу подхватили,
За резвы ноги из моря тащили.
Да ей чесно на карабь положили.
А и пока они по морю бежали,
А тут и пели комары, причитали,
Ише спрашивать стали кнегину:
— Ты скажи нам любезная мати,
А и где нам тебя погребати,
А и как нам тебя поминати,
Каков ответ сиротам воздати?
...Бездушное тело молчало,
А корабельщикам на ум пало:
— А мы слишем ейной лик на картину,
А телеса погребем в морску пучину,
Будут сироты на этот лик взирати,
На всякой час поминати.
Синему морюшку слава!
Государыни мухи
Вечна память!

Архангельская старина.

Записано в Архангельске от мещанки п. Неноксы. Б. Шергин.

Как на синем то на мори да во широком то раздольи
Расходилась, разгулялась непогодушка лиха.
А шел по морю кнезь Василий да со кнегиней от венца.
А тут и вышел княже править тонки белы паруса.
А резвы ножки подкосились, да белы ручки размах-
нулись.
А принимало сине море да кнезь Василия к себе.
А оставалась у Василья его кнегина молода.
А молода его кнегина да она ветру замолила:
А уж вы ветры, ветры буйны, да ветры буйны, да вы
несхожи,

А заводитесь ветры буйны да с полуночной стороны!
А вы бояре, вы бояре да корабельшички удалы,
А вы роните да вы роните да тонки белы паруса!
А становите черной парус да черне воронова крыла!
Воротите, да воротите да на родиму сторону,
А на родиму сторону да ко отецкому двору,
Ведь ко отецкому двору да ко матерню терему!
А увидали черно судно да со отецкого двора,
А тут черные паруса да со матерня терема.
-- А разгулялась в синем море да непогодушка лиха,
У нас не стало видно зетя да кнезь Василья молодца!—
К нам вековуху ту несет, да к нам непряху да волокет!—
А молодая та кнегина да она ветру змолила:
-- А уже ветры, ветры буйны, да ветры буйны, да все
несхожи,
А заводитесь ветры буйны да с полуденной стороны!
А вы бояра, вы бояра да корабельшички удалы,
А воротите черно судно да во обратну сторону,
Во обратну сторону да ко черному да ко камню!
А вы срубите мне-ка келью да на голодном острове;
Просеките мне окошечко на морскую глубину,
А разгуляется погода да во широком-то раздольи,
Я повыстану, повыйду да на круто-ёт бережок.
А повалюся я, кнегина, да на горячей камешок,
А к синю морю причитати да свое ладо да поминати!

О дивном гудочке.*)

(Запись Б. Шергина. Архангельск).

Жил купец богатой с женою.
У них была больша дочь Аннушка
Да маленькой сынок Романушко.
Романушко паренек многоласковой,
Его отец да мати порато излюбили.
Придет летико красно,
Учали брат с сестрой на мох ходить ягод брать.
Им мати раз и скажет:
„Ну, рожоны, хто сегодня боле принесет,
Тому огояска лазорева отласна!“

*) Гудок— древний струнный музыкальный инструмент. Погудальце—смычек.

Пришли ребята на мох. Берут ягоды.
Романушко все в коробок да в коробок,
А сеструха все в рот да в рот.
В полдни солнце на притин пришло.
У брателка уж благо насбирано, а у девки лишь
Две ягодичины в коробу катается.
Ей и пала на ум думка.

Она говорит:

„Брателко желанной! Сонцо уж на обедники,
Подь ко мне отдохни. Я у тя головушку причешу“.
А сама желанного с'ись рада.
Романушко только привалился к сестры на колени
И только у его глазки сошлись, она нанесла нож,
Да и ткнула ему в белое горлышко.
Заколола маленького брателка,
Окровавила белый мох.
Ягодки еговы себе взяла,
Пришла домой.

Мать та с отцом перепались:

„Где парень?“

„Лесной хозяин увел! Уж я плакала, плакала!
Уж я шарила, шарила... Увело!“

Вот и заискали,

Вот и забродили.

Колько не бегали, колько не кликали—не нашли.
А на болотце над Романушком стала расти тонень-
ка лесинка.

Весной прошли по болоту скоморохи.

Увидели лесинку, высекли тесинку, сделали гудок
с погудалом.

Не успели погудальца на гудок наложить и вдруг
из гудка голосок родился.

И запел и завывоваривал:

„Скоморохи, потихоньку,
Веселые, полегоньку.
Зла меня сестрица убила,
В белой мох положила.
За ягодки за красны,
За поесок, за отласной!

.

Продрожье взяло скоморохов.

„Эка, говорят, дивень кака!“

Вот идут скоморохи по дороги да в ту самую деревню, где купец богатой живет. Дом высокой—хозяин богатой. Попросимсе ночевать?

Поколотились:

— „Пусти-ко, хозяин, скоморохов, людей вежливых!“

— „Доброхоты, не до вас. У меня дома неладно!“

— „Пусти, хозяин! Мы тебе диво покажем, на гудке дадим поиграть! Он человеческим языком выговариват!“

— „Ну-ко, шшо ино?“

Не успел купец погудальце на гудок наложить, запел из гудка попечальной Романушкин голосок:

Татенька, потихоньку,
Миленький, полегоньку.
Зла меня сестрица убила
В белой мох схоронила.
За ягодки за красны,
За поесок, за отласной!“

.

Мать та услышала! Подкосились у ей с колен резвы ноженьки, опустились с локот белы рученьки, перепалось в груди ретивое сердце... — „Дайте мне, дайте скорее-то!“ Она схватит гудок поскорешенько... Не поспела погудальца на гудок наложить, поет гудочек плачевным и тихим гласом:

„Маменька, потихоньку,
Миленька, полегоньку.
Зла меня сестрица убила,
В белой мох схоронила.
За ягодки, за красны,
За поесок, за отласной!“

.

Не кипарисны деревца пошаталисе, не изюмины ягодки посыпались, отец с матерью заплакали. Сошлась родня, да вся природа. Собрались порядовны соседи—„Где девка? Где Анна?“ А у девки не в губах крови... Побелела, как куропать.

— „На-ко ты! Играй!“

А она с собой повладать не может. Однако не поспела погудальца на гудок наложить, а уж гудок поет, играт, человеческим языком выговариват:

„Сестрица потихоньку,
Родненька полегоньку.
Ты меня убила,
В белой мох положила.
За ягодки за красны,
За поесок, за атласной.“

Падают девка отцу—матери в ноги. Воеет... Дитятко! Как у ты рука та на брата на кровного поднелась? Как язык-от врать поворотился? Ино будь ты проклета во веки! Пожалели, пожалели Романушка да негде взять.

А те скоморохи сказку сложили.
И протекает эта быль плачевная.
Во всю Архангельску страну
По всему по белому свету.

Ст. Гр. Писахов.

„Знатокам“ Севера.

Не любо—не слушай...

Про наш Архангельской край столько всякой неправды да напраслины говорят, што я придумал сказать, все как есть у нас. Всю сущую правду. Што не скажу, все правда!

Кругом все свои—земляки, соврать не дадут.

К примеру Двина—в узком месте 35 верст, а в широком шире моря. А ездим по ней на льдинах вечных. У нас и леденики есть. Таки люди, которы ледяным промыслом живут. Льдины с моря гонят, да дают в прокат, кому желательно.

Летом к нам много народа приежжат. Вот придут к леденику, начнут торговаться, што бы дал льдину получше, да взял по три копейки с человека.

(А трамвай 6 копек!)

Ну, леденик ничево, для виду согласен. Подсунет дохлу льдину—стару, иглисту, чуть живу (льдины хошь и вечны, да и им век приходит). Ну приежжи от берега от'едут верст с десяток, а робята уж караулят (на то дельны, не первоучебны) крепкой льдиной толкнут, стара то и сыпаться начнет.

Приежжи завизжат:

— „Ой, топнем, ой спасайте!“

Ну, робята, сичас под'едут на крепких льдинах, обступят.

— „По целковому с рыла, а то вон и медведь плывет, да я моржей нагустим!“

А мишки с моржами, в роде как на жаловании али на поденшине свое дело знают. Уж и плывут. Ну, приежжи с перепугу платят по целковому.

Вперед не торгуйся!

А мы сами то компанией найдем хорошу льдину, сначала пешней попробуем. Парус для скорости поставим. А от солнца зонтики растопырим, да вертим кру-

гом, чтобы не загореть. У нас летом солнце-то не закатывается; ему на одном-то месте стоять скучно, ну оно и крутит по небу. В сутки раз пятьдесят обернется. А коли погода хороша, да поветерь, то раз семьдесят! Ну коли дождь, да мокреть, дак отдыхат, стоит.

А на том берегу благодать: всяческо благорастворение!

Морошка растет большущими кустами, крупна, ягоды по фунту и боле и всяка друга ягода. Семга да треска на удочку ловятся, так и клюют!

Белы медведи молоком торгуют (приучены). Белы медвежата семечками, да папиросами промышляют. И птички всяки чирикают: полярны совы, чайки, гаги, ггарки, гуси, лебеди, северны орлы, пингвины.

Пингвины у нас хоша не водятся, но приежжают на заработки: с шарманкой ходят, да с бубном. А новы обезьяной одеваются, всяки штуки представляют, им и не пристало одеваться обезьяной,—ноги коротки. Ну да мы не привередливы, нам хошь и не всамделишна обезьяна, лишь бы смешно было.

А в большой праздник да возьмутся пингвины с белыми медведями хороводы водить, да ишшо в присядку пустятся, ну до уморения!

А моржи да тюлени с нерпами у берега в воды хлюпают, да поуркивают—музыку делают по своей вере.

А робята поймают кита, али двух привяжут к берегу, да и заставят для прохлаждения воздуха воду столбом пушшать!

А бурым медведям ход настрого запрещшен. По за жилью столбы понаставлены и надписи на них: „бурым медведям ходу нет“.

Раз вез мужик муки мешок.

Это было там вверху, выше Лявли. Вот мужик и обронил мешок в лесу. Медведь нашел, в муке вывалялся весь и стал на манер белово. Сташшил лодку, да приехал в город: его водой да поветерью несло, он только рулем ворочал. До рынка доехал, на льдину пересел. Думал сначала промышлять семечками, да квасом, аль кислыми штями, а потом, думат, разживется и самогонкой торговать начнет. Да его узнали.

Што смеху то было!

В воды выкупали. Мокрехонек, фыркает, а его с хохотом, да с песнями робята за город погнали. За Уймой

медведь-то заплакал. Ну, у нас народ добрый: дали ему вязку калачей, да сахару полпуда, да велели в праздники за шаньгами приходить.

Летом у нас круглы сутки светло, мы и не спим. День работам, а ночь гулям, да с оленями в перегонки бегаю.

А с осени к зимы готовимся.

Северно сияние сушим.

Спервоначалу то оно не сколь высоко светит. Бабы да девки с бани дергают, а ребята с заборов. Надергают эки охапки! Оно што—дернеш, вниз головой опрокинешь и потухнет и висит над подволоке, не сохнет, не дохнет, только летом портится. Да летом и не под нужду. А к темному времени опять отживаетея.

А зимой другой раз в избы жарко, душно - не продохнуть, а двери открыть нельзя, мороз градусов триста! А возьмеш северно сияние, теплой водичкой смочишь и зажгешь. И светло так горит и воздух очишшат и пахнет хорошо, как бы сосной, похоже на ландыш.

Девки у нас модницы маловодны северно сияние в косы носят. Как месяц светит. Да ишшо из сияния звезд наплетут, на лоб налепят.

Страсть сколь красиво! Просто Андели!

А по осени, как пойдет дож звездной, мы ево в бочки насобираю, хмелю прибавим и по праздникам пьем вместо пива.

И веселит и молодит.

У нас кто завсегда пьет, лет по двести живет!

Да это не сказка кака, а взаболь у нас так: ведь кругом народ знающий, свой соврать не дадут; у нас так и зовется: „Не любо—не слушай!..

А то еще вот песни:

„Всё говорят, „в Москву за песнями“, это так зря говорят. Сколько в Москву не ездят, а песен не привозили ни разу.

А вот от нас в Англию так не столько лесу, сколько песен возят.

Пароходишши большушши нгрузят, таки больши, што из Белово моря в Океан едва выползут!

Девки да бабы за зиму едва напевать успеваю, да и старухи, которы в голосе, тоже поют, — деньги зарабатываю.

Мы сами и в толк не брали, што можно песнями торговать. У нас ведь морозы то живут на двести пятьдесят да на триста градусов,—ну всякой разговор на улице и мерзнет у рта, да льдинками на снег ложится. А на моей памяти ишше доходило до пятисот градусов. Стары старухи рассказывают, до семи сот бывало;—ну да мы и не порато мерим.

Што не при нас было, то может и вовсе не было!

А на морозе, како слово скажеш тако и замерзнет до оттепели. В оттепель растает и слышно, кто што сказал.

Што тут смеху быват и греха всяково! Которо сказано в сердцах (понасердки), ну а которо издевки ради,—новы и хороши слова есть. Ну которы крепки слова,—те в прорубь бросаю.

Как то у проруби сошлись наша Анисья да сватья из-за реки. Спервоначалу ладно говорили, сыпали слова льдинами на снег, да покажись Анисьи, што сватья сказала крепко слово (по льдинке видно).

— „Ты это што, кричит Анисья,—курва, эдака, како слово сказала? Я хош ухом не воймую, да глазом вижу“.

И пошла, и пошла, ну прямо без удержу, ведь до потемени сыпала! Да уж како сыпала! Прямо клала, да руками поправляла, штобы куча выше была. Ну сватья тоже не отставала. А когда за кучами мерзлых слов друг дружку не видно стало,—разошлись.

Анисья дома то ишше свекровке нажалилась, што сватья ей всяческих кислых слов наговорила.

— „Ну и я ей навалила, только бы теплово дня дожждаться, оно хошь и задом наперед начнет таять, да ее ругательницу насквозь прошибет.“

Свекровка то ей говорит:

--- „Верно, Анисьюшка, уж вот как верно и таки-ли они горлопанихи на том берегу, просто страсть! Прошлу зиму я отругиваться бегала, дак ведь, бажона, мало не сутки ругалась, штобы всю то деревню переругать. Духу не переводила, насили отругала. Было на уме ишшо часик другой поругаться, дя опара на пиво была поставлена, боялась кабы не перестояла“.

А мужики-озорники дали робятам по калачу, штобы перемешали ругаць-то. Ну робята оленя запрягли, да все кучи бабьих разговоров и перемешали.

Как тепло-то стало, все высыпали на берег. У прорубей больше всево разговору и новостей живет. Народу выперло тьма-тьмушша. А над рекой дым коромыслом поднялся, быдто как на каком деловом собрании, слов цельны тучи без конца краю, а толку нисколько. У всех голова кругом пошла, как с пива.

Малым ребятам забава нужна, каки ни на есть абушки.

Матери потаковщицы наговорят круглых слов, гладких да ласковых.

Ребята катают, слова блестят, звенят! Которы ребята окоемы—дак за день-то много слов ласковых переломают!

А девки те все насчет песен.

Выдут на улицу песню затянут голосисту с выносом. Песня мерзнет колечушками тонюсенькими—колечушко в колечушко буди кружево жемчужно - бральян-тово, отсвечиват цветом радужным да яхонтами.

Девки у нас выдумщицы

Мерзлыми песнями весь дом по переду улепят, да увесят.

Весной на солнышке песни затают, зазвенят! Как птицы каки невиданны запоят.

Вот уж этово краше ни где ничево не живет!

Как то шел агличанин (зиму у нас проводил по торговым делам). А извесно агличанам до всево дело есть, всюду нос суют.

„Ах,—говорит,—кака антиресность диковинна, без береженья на само опасно место прилажена!

Изловчился, да отломил кусок песни, думал не видит никто.

Да, не видит, какже! Ребята со всех сторон слов всяческих наговорили и ну в него швырять.

Агличанин спрашивает тово с кем шел:

— „Што тако за штуки, колки каки, чем они швыряют“?

— „Так, пустяки“.

Агличанин с большого ума и „пустяков“ набрал с собой.

Пришел домой, где жил, „пустяки“ по полу рассыпал, а песню рассматривать стал. Песня растаяла, да

только в ушах прозвенела. А „пустяки“ с полу растаяли, да как посыплут кому в нос, кому во што! Агличанину выговор сделали, штобы таких слов больше в избу не носил.

Вот и стали девкам песни заказывать, да в особы яшшики складывать, таки термо-яшшики прозываются. Песню уложат, да обозначат которо перед, штобы с другово конца не начать.

Больши кучи напели, а по весне на первых пароходах и отправили. Пароходишши нагрузили до трубы.

В Англию привезли. Народу любопытно, каки таки морожены песни из Архангельскова? Тиятр набили полнехонек, столько народушку набилось, што ни дохнуть, ни пыхнуть.

Вот яшшики раскупорили, песни порастаяли, да как взвились! да дальше, да дальше, да и все!

Агличаны в ладоши захлопали, закричали:

— „Ишшо, ишшо“.

Да ведь слово не воробей, выпустишь, не поймашь, а песны што соловей, вылетит и вся тут!

К нам шлют письма, депеши:

„Пойте песни больше, заказывам, пароходы готовим.“

На песнях много заработали. Работа несколько трудна.

Столько песнями заработали, што мужики уж поговаривали, што железны крыши виду не дают, надобно серебряны и блеску больше и красить не надобно.

И век бы хлеб был... Тут и говорить-то совестно. Мужики заместо песен-то в термояшшики всяких слов нехороших наговорили, ругани, да издевки, оно хошь и складно, ну да уж ругань не песня.

Агличаны снова приехали. Деньги платят, яшшики таскают, грузят да и говорят:

— „Што порато тяжелы сейгод песни“?

Мужики отвечают:

— „Это особенны, с весом, с уважением, значит в честь Вашей аглицкой королевы, специально напеты. Так и передайте, што это уважение от Архангельсково народу аглицкой королевы. Мы завсегда ее очинно уважаем. Как к слову придется вспомнить, кажинный раз сказывам, „кабы ей ни дна ни покрышки“, это по Вашему то значит, всево хорошево желаю, и так испокон веков заведено“.

Агличаны обрадели, пароходы нагрузили, труб не видно,-- флагами разукрасили, в музыку заиграли, поехали!

Приехали домой, сичас афиши, прокламации, газеты пропечатали, што мол от архангельсково народу особенно уваженье нашей королевы. Песни с весом, совсем особенны!

Король и королева ночь не спали и с ранново утра в тиятр забрались, штобы хороши места захватить.

А прочему народу с полден праздник об'явили по этому случаю.

Народу столько набилось, што от духу в окнах стекла вылетели!

Вот яшшики наставили, да раскупорили все разом.

А оттуда и почало и почало обкладывать со всех сторон!

На што агличаны нашему языку не обучены, а поняли!

А которо слово крепко завернуто, то прямо льдинкой летит, в ково попзло!

А боле всево в корслеу! Ее так засвистало, что у нее, голубушки, под короной, заместо личности, одно неприличное ругательство сделалось.

Страсть большой конфуз был!

До того разобиделись агличаны, што до сих пор по настоящему ишшо не гостимся.

Стихи местных поэтов.

А. Л.

В тундре.

С Камня в тундру двинулись морозы,
С моря пали лютые ветра:
В снежные глубокие наносы
Спряталась корявая ера.

Голые бугры валами встали.
На море—сплошные тороса,
Там ко льдам в туманной сизой дали
Хмурые примерзли небеса.

Чумы самоедов подле моря
Издали приветливо дымят,
Белые собаки на угоре
Лают на оленей и визжат.

В ясном небе сполохи играют,
Высится полярная звезда.
В чумах самоеды обурдают,
В тундре жизнь ночная, как всегда.

Бродит росомаха по кулемам,
Прячутся лисицы у привад,
Тундренные волки по суземам
Бегают вблизи оленных стад.

В норах горностаи притаились,
Стаи белоперых куроптей
В ерах у кормов в снегу зарылись,
Скрылись от прожорливых зверей.

Белую полянку меж буграми
Вижу наяву я, как во сне:
Два псеца с пушистыми хвостами
Прыгают, играя при луне.

Хаважжики.

С нашим промыслом мается,
Позорится народ,
Мокнет, мерзнет, ломается
Как на Канин уйдет.

Днем с ерданями долбятся
На крутом холоду,
Недосуг перемолвиться,
Покурить находу.

Ночью в избу навалятся:
Теснота, дым и чад,
Просушить скинут малицы,
Все вповалку заспят.

Не живут, а колотятся,
Как наваги на льду,
И в деревню воротятся
Ту же мыкать нужду.

С. Мевлев.

Ха Северной Двине.

Отрывки из северной поэмы.

I.

В углу, где северное море
С холодною рекой сплелось,
В холодном северном просторе
Широкорогий бродит лось.
Он—князь лесов, всегда зеленых,
Он непорочный топчет снег,
У ног его на топких склонах
Еще не ползал человек.
В его владеньях зимы строги:
Под серебристым полотном
Мхов многоцветные дороги
Охвачены великим сном.
И радость сильного покоя

Идет из снежной глубины
И снег на переломах хвои
Как пена вздыбленной волны.
И мрак, тоскуя и ревнуя,
Закрыв от солнца на засов
Свою любимицу лесную
Снегурку тундры и лесов.
И только лишь, как гость прекрасный
На час, на два, на полчаса
Оно выходит в шубе красной
Взглянуть на милые леса...

...А тихий март несет другое:
Снегурка тихо умерла,
И ночь зимы в беззвучном вое
Свой черный плащ разорвала.
И дни вдруг стали нежны—нежны,
Овраги звонкие гремят,
И мхов затворников подснежных
Впивают новый аромат.
И шаг весны воздушный слышен
По расцветающему мху
И с каждым днем теперь все выше
Проходит солнце наверху!
И, наконец, апофеозом
Неутомимого огня
Сверкают в небе в полночь розы
Неувядающего дня!
Да, звезды негра и японца,
Конечно, здешних звезд ярчей,
Но только здесь влюбились в солнце
Вы, звезды северных ночей!..

...И в час ночей безумно белых
Стальна, нема и широка
Разрезала змеистым телом
Ковер лесов моя река.
Моя река, моя родная,
Моя красавица Двина,
Ты все течешь, напоминая
Седые сказок времена...
И вижу я на водной глади,
Как в темном зеркале веков
Твой берег в девственном наряде
Без пристаней и маяков...

II.

. . . Века: один, другой и третий
Двина все также шла и шла
И циферблат тысячелетий
Безстрастно стрелка обошла.
Рождались новые народы,
Менялись боги и земля—
У чудной Чуди пароходы
И горы черного угля.
И там, где Эрик рыжекудрый
Добычу сердца воровал
Под черной угольною пудрой
Визжат лебедка и штурвал.
Кайма из камня и металла
Лежит на топких берегах
И внуки витязей Валгаллы
С душистой трубкою в зубах.
Не заросли дороги моря,
Горит старинная звезда
И, льдов преграды переспоря,
Они опять плывут сюда.
Уставший флаг их штормом вспорот
И вот, минуя злой норд-ост,
Они в туманах видят город—
Страны возставшей аванпост...

III.

Подойду я, подойду, да лягу,
И чудесно-же лежать на мху:
Сколько здесь чудесных, синих ягод,
И какая синева вверху.
И в душе моей все также сине,
И душа не скачет второпях,
Ласточка на зыбчивой осине
Думает о голубых степях.
Все люблю: медведя и берлогу.
Неужели—это мох да я?
Даже и не верится, что могут
Быть такие синие края!

Владимир Жилкин.

Из северных песен.

Крутогруды, крутобоки
Девушки онежские,
Очи в темной поволоке,
Перстенъки норвежские.
Ну, а я то, хрящ ядренный,
Чем не парень аховый?
Губы в сусле, нож каленый,
Знай, ходи, помахивай!
Эх, с тальянкой в позаранках!
Выйду, выйду бражничать,
С поморянкой на гулянках
Мыкаться да важничать.
Вынь атласные обновки,
Ладная, спокойная,
Правит милый твой в Соловки
Судно зверобойное.
Краше жизни ему струги,
Мачты корабельные,
Прощалыге и пьянчуге
Поцелуи хмельные.
Поцелуи, да погудки,
Ласки приворотные,
В голубые первопутки
Вьюги перелетные.

Поморка.

Насупив смоляные брови,
К становищам глухим ушла;
Растаял смех за рощей вдовий,
Как всплеск на взморьи от весла.
Как лебедь взвился парус дюжий,
Валы взбурлили за кормой,
И ты на промысел семужий
С дородной уплыла родней.
Тебе, взлелеянной грибоем,
Угрюмой, как полярный день,
Письмо пошлю я с китобоем

В студеную твою Мезень.
Пускай под песни молодаяк,
Оснащая карбаса,
Увидишь ты над стаей чаек
Таежные мои глаза.
Ах, полюбовный сон не долгов,
И сгинет, как роса в овсе,
Лишь только станет ленты сполох
В твоей перебирать косе.

Мореплаватель.

О, как страшна в морях сыпучая метель!..
Запирал щупальцы огневолосый сполох;
В архипелаг еще неведомых земель
Он на изломанных примчался ледоколах
И вот—окован льдом. Как крыса в западне.
Изгрызла все цынга. И по пустым боченкам
Закутанная смерть крадется в тишине,
И тянется к глазам холодным лягушенком.
Твоей подвиг завершен. Готовься, мореход!
Обмажься ворванью от темени до пяток
И жди, спокойно жди,—настанет ли черед
Стать мерзлой падалью у скошенных палаток.
Но если в городе туманном и родном,
Где в грязном скверике тоскует Ломоносов,
Появишься ты вдруг,—каким весельчаком
Сочтут тебя в кругу подвыпивших матросов!
Осмугленный пургой, с сединой на висках,
Смеясь, расскажешь им о суше неисходной,
Где на оснеженных пустынных берегах
Пылает гордый флаг страны твоей свободной.

Зверобой.

Ждут, взвизгивая, псы подачки, —
Им лакомая снится снедь:
За логом солнце в зимней спячке
Ворочается, как медведь.
Рыдают лыжи в снежных кручах,
Звериный след с дороги снес,
Как белка, на хрустальных сучьях

Ореши шелкает мороз.
 Закат в крови. Гонись, блуждая,
 Покамест ясен шлем тайги.
 И млечный путь — хвост горностая
 Прокусят звездные клыки.
 А там — домой. В чехол двухстволку,
 Махорку с трубкою в пестерь,
 Не то на ужин бросит волку
 Тобою выслеженный зверь.
 Не то в логу, у свежей туши,
 Подкосит ноги мрак лесной,
 Согнет луну, как рог пастуший
 И сон навевает ледяной.

Опочивший помор.

Памяти В. И. Ленина.

Скатилось с избушек во льды, за Вайгач
 Румяное солнышко — кузов с морошкой,
 Простуженный месяц, свернувшись в калач,
 Слезу заронил над медвежьей дорожкой.
 Из дремной тайги, с белокипенных гор
 Вещают певуны — залетные выюги:
 Сегодня Ильич — опочивший помор, —
 Отчалил из мира на парусном струге.
 Не стало в светелке кликуши земли
 Мудрейшего брата бунтарских радений,
 И болью мужичьей снега зацвели,
 Как смертная дума в глазах у оленей.
 Бьет в бубен с тоской краснозубый шаман,
 Трезвон керженецкий в истоках Печоры
 Горюет, что брата с московских полян
 На стругах из мира увозят поморы.

.....

Иван Молчанов.

Архангельск.

I.

Из глуши, из берлоги медвежьей,
Из Архангельских дебрей и нор
Я в Москву много песен свежих,
Ношу северных песен припер.

—

Лейся песня моя переливом,
Рассыпайся, звени и играй!
Я хочу, чтоб Двинские разливы
Бушевали в Москве через край.

—

Чтобы слышал каменный город
Моих дебрей таежный стон,
Я хочу, чтоб истоки Печоры
Полились под Кузнецким мостом.

—

Эй, Москва!
Ты видала не мало
На веку своем разных бед.
А ты видела, как усталый
Пьет оленью кровь самоед?

—

Как шаманьему вою вторя
Барабанят по юртам дожди,
Как по лету над северным морем
Звоном чаечий гам гудит?..

—

Вот сейчас:
По Красной шагаю,
Вот на Лобном стою и пою,
Я Архангельский край воскрешаю,
Глушь Архангельскую свою.

—

Вот смотрю:
Вдруг высокие сани,
Вдруг—по Красной олень промчит
Или площадь серебряной станет
И кургузая Чудь заворчит..

—

Нет!

Не встанут из дебрей картины.
Говорит по иному Москва.
Посмотри-ка, как гордо вскинута
У седого Кремля голова.

Нет!

Напрасно Север лелеял
Здесь равнин немоту разбудить:
Ведь Москва великим мавзолеем
На встревоженный мир глядит...

Да, на мир...

В голубые вьюги,
Я на Север опять пойду.
Наши дни—полногрудые струги—
Я и там у Поморья найду.

II.

Город северный понуро
Над рекой разлегся, хмурый.
У реки туманным летом
Вырастают васильки...

Васильки туманным летом
Вырастают у реки..
Почему же у поэта
И в морозы васильки?

Радость эту я давно вью:
Вырастающею Новью
В этих вьюгах белоперых
Город северный расцвел.

В этих вьюгах белоперых
Заалел завод и дол..
В белокипенных просторах
Север маками зацвел.

Были дни
Белой плетью взмылен,
Север шел в нежеланный бой.
Это к горлу рабочих Миллер
Генеральской тянулся рукой.

—

Это сам губернатор Чайковский
Кликнул северу клич:
— На Москву!..
И досель, и доселе „Чайковки“
Говорят про кошмар на яву.

—

На Москву...

Тундры белые, быть расскажите,
Бросьте слово о том в века,
Как по вам Архангельский житель
Пробирался к большевикам.

—

За плечом двухстволок,
По лесам и по выюгам тайком,
Что-б, потом белокожную сволочь
Сбросить за море красным штыком.

—

Знать не сладки галеты и бишки,
Генеральская власть солона..

IV.

Пулеметы,
Расстрелов вспышки..
Знает Север слово „война“!

V.

В огневом и безкрайном посеве
Мы вчера пробивались на свет,
А Сегодня
Туманный Север
Заалелся на гребнях лет.

—

Сквозь пургу,
Сквозь огонь и пули,
С песней в глотке, с винтовкой в руках
Мы ячейкою дни взметнули
На седых и строгих Соловках.

Там, где сполох буянил по скатам,
Где плескалось рыбалки весло —
По заре молодой агитатор
Бросил россыпи знойных слов.

—

Север, север,
Ты вовсе не беден.
Даже в тундрах поющий шквал:
Вижу я:
Молодой самоедин
Горланит Интернационал.

—

Слышу я:
По равнинам оленьим
Наша радость стучит молотком:
Даже в дебри дремучей Мезени
Молодежный заброшен Уком...

VI.

Даже в дебрях дремучей Мезени
Укомпарт,
Уисполком...

.

VII.

И теперь:
Вздыхая полной грудью
В зное песен, в перебранке пил,
Вспоминаешь на приморьи Мудьюг
Остров смерти и живых могил.

Песни вьюг войны кошмары смыли...
Мой Архангельск—
В трудовых руках.
Получай мое проклятье Миллер
За расстрелянных на Мхах!

В этих днях
И в самоедском стане,
В юртах и над промыслами нерп
В волосах полярного сиянья
Заалелся молоток и серп.

—

В этих днях бунтующих и новых
Песни воли
В поле и в лесу...

По весне, в Норвегу китоловы
Весть о красном севере снесут.

.....

Содержание.

	Стр.
ОТ РЕДАКЦИИ.	
Быт и люди Севера. <i>А. Н. Попова</i>	1
Из дневника фольклориста. <i>О. Э. Озаровской</i> .	4
Современное народное искусство на Севере. <i>П. Т. Устомина</i>	19
Искусство и быт Севера. <i>Е. М. Маер</i> . . .	28
Характер колонизатора. <i>А. А. Евдокимова</i> .	38
Воспоминания. <i>С. Т. Писахова</i>	45
Путешествие на Пешу. <i>А. С. Лобанова</i> . . .	48
По реке Пинеге. <i>А. А. Евдокимова</i> . . .	54
Северные сказки. <i>Б. В. Шерина</i>	62
Не любо—не слушай. <i>С. Т. Писахова</i> . . .	74
Стихи. <i>А. Л., С. Цевлева, В. Милкина и</i> <i>И. Молчанова</i>	81

